

BRT 259

9647

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
13, Rue de la Bûcherie, PARIS V.

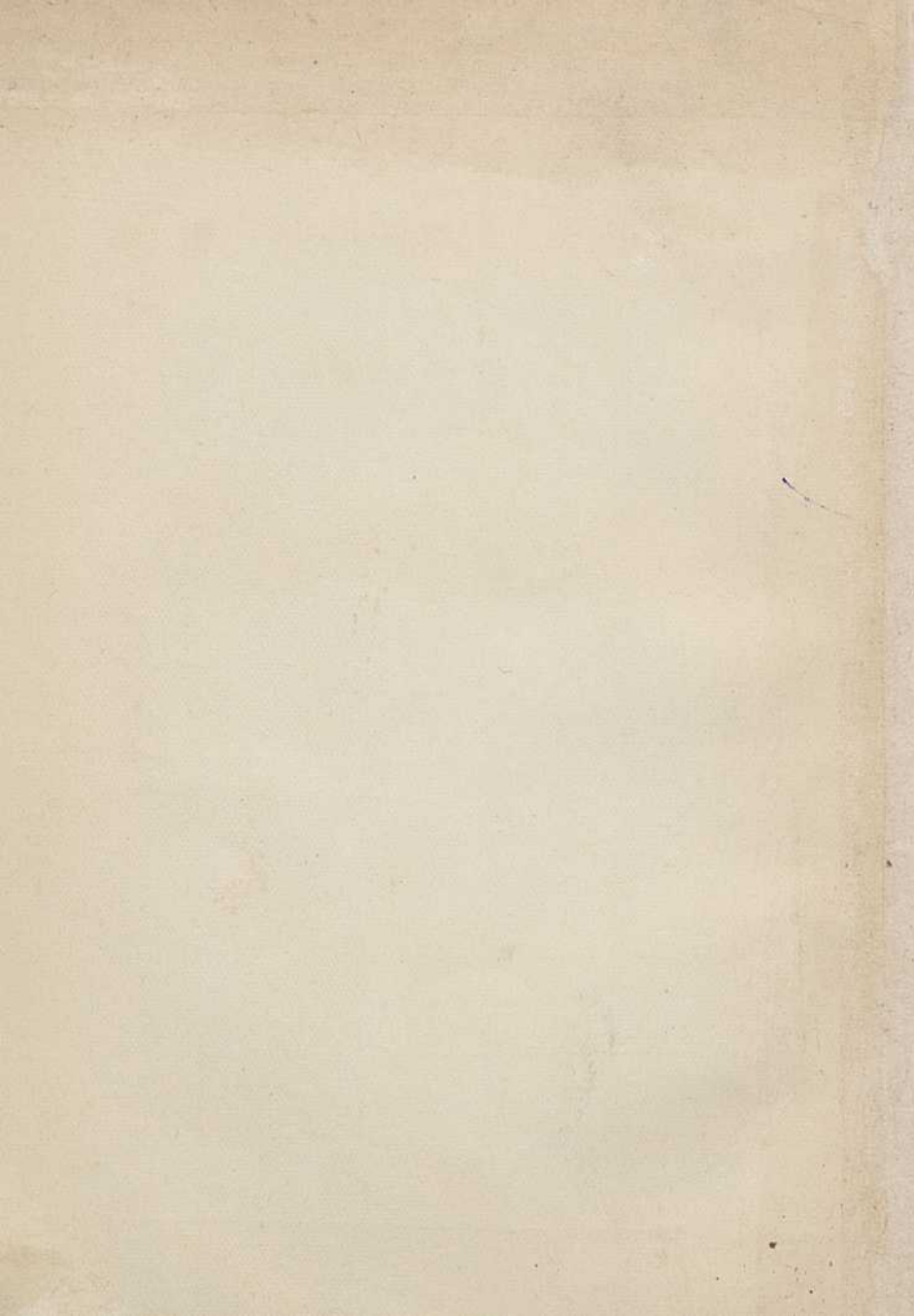
ac
22.840

TB 25

2439

ac
22840

BIBLIOTHEQUE RUSSE
POURQUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

СТИХОТВОРЕНІЯ

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
S, Rue du Val-de-Grâce, 9

акт
22.840

ТБ 25

2439

Г. А. БЛОХЪ

(ГРИГОРИИ ТЮРСЕВЪ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

Inter se mortales mulua vivunt

.....
Et quasi cursores vitae lampada tradunt.

*Nam tibi praeterea quod machiner inveniamque
Quod placeat, nihil est: eadem sunt omnia semper.*

1964 г.

28987
ПАРИЖЪ

РИНЕГОТОХНО

BRT 259
13PK 25618

Григорій Анатоліевичъ Блохъ родился 3 ноября 1867 г. въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Его отецъ, докторъ медицины, состоялъ ординаторомъ Могилевской Тюремной больницы; это былъ выдающійся по своимъ душевнымъ качествамъ человекъ и просвѣщенный, талантливый врачъ. Большой поклонникъ классическаго образованія, онъ съ дѣтства воспиталъ въ сынѣ любовь къ классикамъ. Г. А. Блохъ сталъ настоящимъ знатокомъ греческой и римской литературы и въ теченіе всей своей жизни удѣлялъ часть своихъ досуговъ чтенію въ подлинникахъ древнихъ авторовъ.

Мать Г. А. Блоха, дочь извѣстнаго въ свое время доктора Трахтенберга, была прекрасной піанисткой. Отъ нея Г. А. унаслѣдовалъ любовь къ музыкѣ и выдающіяся музыкальныя способности; еще гимназистомъ онъ выступалъ въ концертахъ солистомъ на віолончели.

Въ 1870 г. отецъ Г. А. Блоха былъ переведенъ по службѣ въ Вильну, гдѣ вся семья и прожила долгое время.

Среднее образованіе Г. А. Блохъ получилъ въ Виленской Гимназіи, по окончаніи которой перѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ одновременно съ дипломомъ юридическаго факультета былъ удостоенъ и диплома СПБ. Консерваторіи по классу віолончели (К. Ю. Давыдова).

Стихи Г. А. Блохъ началъ писать еще на гимназической скамьѣ. Въ Петербургѣ, въ бытность свою студентомъ, онъ печатался въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Новостяхъ». Въ «Новостяхъ» же, по окончаніи университета, онъ состоялъ музыкальнымъ критикомъ, а впоследствии и фактическимъ редакторомъ.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

Въ серединѣ 90-хъ годовъ Г. А. издалъ книгу о Кавостъ. Казалось, что литературное и музыкальное поприще обѣщало ему вѣрные успѣхи. Однако, въ началѣ 900-хъ годовъ онъ сталъ малу-по-малу отходить отъ этой работы. Случайныя обстоятельства привлекли его къ дѣятельности въ области крупной промышленности. Начался промышленный расцвѣтъ Россіи, и здѣсь исключительныя дарованія и энергія Г. А. Блоха нашли свое примѣненіе и заслужили всеобщее признаніе. Онъ сталъ во главѣ цѣлаго ряда крупныхъ промышленныхъ предпріятій, сдѣлался членомъ правленія СПБ. Международнаго Коммерческаго Банка, и дѣятельность его оставила замѣтный слѣдъ въ развитіи отечественной металлургической промышленности. Роль его въ созданіи новаго Черноморскаго флота во время войны была настолько значительна, что Правительство въ 1915 году особо отмѣтило его заслуги.

Революція прервала кипучую дѣятельность Г. А. Блоха, и онъ оказался, подобно многимъ выдающимся людямъ, изгнанникомъ. Невольные досуги побудили его снова вернуться къ литературѣ.

Настоящій посмертный сборникъ заключаетъ въ себѣ избранныя стихотворенія, написанныя имъ съ 1918 по 1926 годъ. Часть ихъ была издана въ 1920 г. въ Выборгѣ, подъ псевдонимомъ «Григорій Тюрсевъ».

Г. А. Блохъ скончался 31 января 1927 г. въ Ниццѣ. Смерть прервала его работу по переводу сонетовъ Шекспира.

Голоса

ФИНИКІЙСКІЙ КУПЕЦЪ

Родное море гладко, нѣмо,
Ни вѣтерка... Гребцы, дружиѣй!
Лети впередъ, моя трирема,
Быстрѣй Вааловыхъ коней!

Когда я выходилъ изъ Тира,
Чтобъ власть и золото найти
Въ странахъ невѣдомаго міра
И не погибнуть на пути,

То пасти грознаго Молоха,
Презрѣвъ упреки женскихъ слезъ,
Безъ колебанія, безъ вдоха
Я въ жертву первенца принесъ.

Я шелъ сквозь грозы и туманы,
Я шелъ сквозь холодъ, зной и шкваль, —
И первый сказочныя страны
Я жаднымъ окомъ увидалъ!

Я спалъ въ пустыняхъ, безъ палатокъ,
Въ лѣсахъ дремучихъ и въ горахъ,
Былъ горекъ трудъ и отдыхъ кратокъ...
Но сильнымъ не владѣеть страхъ!

Взамѣнъ блестящихъ побрякушекъ,
Цвѣтныхъ матерій и ковровъ,
Стекляныхъ бусъ, пустыхъ игрушекъ,
Я намѣнялъ такихъ даровъ,

Добылъ я золота такъ много,
Каменьевъ цѣнныхъ, серебра!...
И одному въ тотъ край дорога
Извѣстна — мнѣ!... Домой порал!...

Красавицъ нѣсколько со мною...
Былъ неуступчивъ глупый врагъ,
Я ихъ добылъ иной цѣною, —
Мой добрый мечъ, ты помнишь, какъ?...

Ихъ красоты манящей чуду
Пусть позавидуютъ друзья...
Мой Тиръ, въ тебѣ я первымъ буду,
Средь равныхъ первымъ буду я!

Вдали синѣетъ лѣсъ Ливана —
Очамъ давно желанный пиръ!
Въ завѣсѣ легкаго тумана
Встаютъ дворцы... Я вижу Тиръ!

ФАРАОНЪ

Вотъ онъ, послѣдній мой пріютъ!
Здѣсь лягу я, въ холодномъ склепѣ,
Когда съ меня навѣкъ спадутъ
Дыханья сладостнаго цѣпи!

На стѣнахъ жизнь изобразилъ
Рѣзцомъ искуснымъ мастеръ славный,
И все, чѣмъ сердцу свѣтъ нашъ милъ,
Течетъ вокругъ чредою плавной —

Въ поляхъ желтѣющихъ жнецы,
Охоты пылъ въ пустынѣ знойной,
Сады и гордые дворцы,
И славу давшія мнѣ войны...

А вотъ я самъ — замолкшій богъ,
Хранитель вѣры и закона —
Стою просителемъ у ногъ
Невозмутимаго Аммона.

Кольцомъ свернувшись, ждетъ змѣя,
Мой коршунъ ждетъ, какъ прежде, слова...
Но я — лишь призракъ! Рѣчь моя
Не зазвучитъ призывомъ снова!

Скользнулъ изъ тѣла мой двойникъ,
Душа ушла на западъ дальный,
Куда изъ смертныхъ не проникъ
Никто безъ лодки погребальной!

Искусовъ тяжкихъ грозенъ строй,
Но побѣдитъ заклятій сила!
Еще порывъ — и за горой
Я вижу вѣчное свѣтило,

И въ легкой баркѣ вмѣстѣ съ нимъ,
Мы — сонмы душъ, усоншихъ свято, —
Сіяя кружный путь свершимъ,
Гдѣ нѣтъ восхода, нѣтъ заката!...

Сотретъ тяжелый ходъ вѣковъ
Непрочный слѣдъ людской гордыни,
И даже муміи боговъ
Развѣетъ вѣтеръ по пустынѣ,

Но сѣмя жизни не умереть!
Безсильна времени завѣса
Остановить судьбы полеть,
И живъ безсмертный духъ Рамзеса!...

АЛЕКСАНДРЪ, СЫНЪ ФИЛИППА,
МАКЕДОНЯНИНЪ

Сегодня въ ночь, когда заснетъ
Мой станъ и до зари застынетъ,
И звѣздъ размѣренный полетъ
На шагъ куда-то мѣръ продвинетъ,

Придетъ, я знаю, тѣнь отца
Мою отпраздновать побѣду
И, не спуская глазъ съ лица,
Начнетъ — какъ тамъ... давно... — бесѣду:

«Филиппомъ выкованъ твой мечъ,
Его войска — твой посохъ крѣпкій!
У ногъ своихъ Элладу лечь
Заставилъ онъ рукою цѣпкой!

Стальной средь глиняныхъ царей,
Онъ утвердилъ свою державу, —
Но смерть идетъ... Склоняся предъ ней,
Тебѣ свою вручилъ онъ славу!

Иди! Теперь весь миръ — тебѣ!
Ты — жнецъ, съ серпомъ предъ зрѣлой нивой...
И благодарень будь судьбѣ,
Что ты — Филиппа сынъ счастливый!»

Филиппа сынъ! Но дѣлъ своихъ
Я самъ отецъ! И царства пали,
Когда вѣнцовъ ихъ золотыхъ
Коснулся я дыханьемъ стали!

Моею кровью я пою
Просторъ земель обѣтованныхъ,
И славу свѣтлую мою
Я самъ добылъ въ доспѣхахъ бранныхъ...

Она моя! Въ ея лучахъ
Былое тонетъ понемногу!
Филиппъ ли вождь въ моихъ бояхъ?
Филиппу ль молятся, какъ богу?

Далѣко отъ земныхъ сыновъ
Меня унесъ размахъ орлиный,
И надо мной — лишь царь боговъ!
Теперь мнѣ онъ — отецъ единый!

Я сынъ его! Отцовъ другихъ
У Александра быть не можетъ,
И славу всѣхъ побѣдъ своихъ
Онъ на его алтарь возложитъ!

Ея волшебный эиміамъ
Сладчайшей ширится волною,
Какъ нѣжный вѣтеръ по цвѣтамъ
Весной, въ саду, порой ночьюю...

Ночной порой... а ночь близка...
Она ползетъ наверхъ по скаламъ,
И день глядитъ издалека
Лучемъ послѣднимъ и усталымъ...

Ушелъ... растаялъ безъ слѣда...
И ничего не уцѣлѣло —
Лишь память... рѣдко... иногда...
Какъ призракъ безъ души и тѣла...

Душа мгновеньемъ жить должна,
Не тѣмъ, что жило наканунѣ!...
Скорѣе, кравчіе! Вина!
Вина... и свѣта... и плясуній!

ИМПЕРАТОРЪ АДРИАНЪ

II вѣкъ по Р. X.

Вели остановить коней!...
Прозрачна тѣнь лѣсной прохлады...
Нигдѣ не дышитъ грудь вольнѣй,
Какъ въ ясномъ воздухѣ Эллады!

Идите всѣ, я отдохну...
Одинъ... Но нѣтъ! И здѣсь незримо,
Сквозь лѣсъ и радость и весну,
Витаеть гордый образъ Рима...

О, городъ мой, ты цѣлый свѣтъ
Вмѣстилъ въ себя рукой стальною!
Къ чему? Твой мечъ — на все отвѣты!
Ты общій миръ родилъ войною,

Твои законы тяжелы,
Какъ поступь римскихъ легионовъ,
И рѣютъ римскіе орлы
Надъ тѣнью павшихъ жалкихъ троновъ...

А я — самъ Римъ! Въ душѣ моей
Души вселенской слышу взмахи,
Восторги чувствую живѣй,
Тяжеле ощущаю страхи,

За всѣхъ отвѣтствую одинъ,
Надѣвъ оковы самовластья,
И, не щадя своихъ сѣдинъ,
Для всѣхъ кую покой и счастье.

Всегда въ пути, всегда въ трудахъ,
Я вижу, слышу, строю, ставлю,
И, твердо все держа въ рукахъ,
О Римъ! тобой для міра правлю!...

Но въ мірѣ тайна есть одна...
И полонъ я съ тѣхъ поръ тревоги,
Какъ стала мнѣ она ясна:
Я знаю — умирають боги!

Они уходятъ, какъ туманъ,
Гонимый вѣтромъ надъ лѣсами,
Какъ сновъ измѣнчивыхъ обманъ...
Что будетъ съ міромъ? съ небесами?

Я сдѣлалъ все, что только могъ,
Но я безсиленъ противъ рока...
Живой одинъ остался богъ, —
И это я!... А смерть жестока,

И я не смѣю отдохнуть...
Моя судьба неумолима...
Коней сюда!... скорѣе въ путь
Во имя царственнаго Рима!

СТАРЕЦЪ ГОРЫ (АССАССИНЫ)

XII-XIII вѣкъ

Съ тѣхъ поръ какъ, сжалившись надъ нами,
Пророка въ міръ послалъ Аллахъ,
Должны мы сердцемъ и дѣлами
Свой духъ предъ нимъ повергнуть въ прахъ.

Въ своемъ великомъ милосердыи
Онъ указалъ спасенья путь,
И долженъ вѣрящій, въ усердыи,
Въ невѣрныхъ свой огонь вдохнуть.

Кто не повѣритъ дерзновенно,
Тому покажетъ острый мечъ,
Что жадно ждетъ его Геенна,
Гдѣ вѣчный пламень будетъ жечь.

Для нашей свѣтлой, чистой цѣли
Всѣ средства будутъ хороши, —
Для неба только бѣ уцѣлѣли
Порывы вѣрящей души!

Но волки есть въ овечьей шкурѣ,
Противны вѣрѣ ихъ дѣла:
Должны спасительныя бури
Очистить грѣшный міръ отъ зла!

Святую заповѣдь Корана
Толкуеть смѣло низкій плутъ,
Капризы всякаго султана
На части вѣру нашу рвутъ...

Одна высокая ограда
И вѣрныхъ дружная семья, —
Пасти жеаломъ желѣзнымъ стадо
Святымъ пророкомъ призванъ я!

Мнѣ уловить толпу не трудно,
Но гордыхъ духомъ и враговъ,
Въ грѣхѣ живущихъ безразсудно,
Разить я долженъ — и готовъ!

Вдали отъ всѣхъ, въ ущельяхъ горныхъ,
Въ садахъ я создалъ рай земной,
И грозный рядъ рабовъ покорныхъ
Взращенъ на мечь невѣрнымъ мной,

Дурмана тонкою отравой
Къ восторгамъ новымъ ихъ зову,
Они полны небесной славой
И видятъ гурій на яву!

И въ сердцѣ гордаго султана —
Хотя-бъ въ Каабу онъ бѣжалъ! —
Горятъ огнемъ смертельнымъ рана
И мной направленный кинжалъ!

ПИРАТЪ

XIV вѣкъ

Три славныхъ дома у меня...
Лѣвѣе, руль!... Направо мели...
А мы должны при свѣтѣ дня
Дойти до мыса, какъ хотѣли!

Три славныхъ дома у меня,
Одинъ — въ надменной Византіи,
Гдѣ я, Христовъ завѣтъ храня,
Молюсь подъ звонъ Святой Софіи.

Другой — на старомъ берегу.
Тамъ я, въ отвѣтъ на зовъ имама,
Грожу невѣрному врагу
Во славу вѣрнаго Ислама.

Гдѣ третій — знаю я одинъ!
Тамъ все — мое, тамъ все — родное,
Тамъ ни монахъ, ни муэдзинъ
Не всколыхнуть ничѣмъ покоя,

Тамъ нѣтъ эмировъ и князей,
Нѣтъ королей и нѣтъ бароновъ,
Я тамъ живу семьей своей
Во власти дѣдовскихъ законовъ,

И кровью черныхъ пѣтуховъ
Корму кропятъ старухи-жрицы,
Когда къ пирамъ чужихъ краевъ
Летѣть готовы мы, какъ птицы!

Чужая жатва ждетъ жнеца,
И я схвачу крупинку съ пира
Отъ левантинскаго купца
Иль генуэзскаго банкира!

Чужой крови и слезъ не жаль!
Мы жить должны, какъ жили дѣды,
И на землѣ рѣшается сталь,
Кого помчитъ волна побѣды!

Постой!... Я вижу свѣтъ вдали...
Лучи, скользнувъ на мигъ сквозь тучи,
На мѣдь блестящую легли,
На острый клювъ, на носъ колючій...

Ошибся я... Купецъ... О, нѣтъ!
Какъ за добычею пантера,
За мной крадется гибко вслѣдъ
Венеціанская галера!

Всѣ паруса поднять!... Впередь!...
Я знаю путь, я вижу знаки!...
Сегодня смерть насъ не найдетъ...
Мы, въ ночь войдя, утонемъ въ мракѣ!...

АЛХИМИКЪ — АСТРОЛОГЪ

XVI вѣкъ

Ушла безмозглая толпа
Болтливыхъ принцевъ и придворныхъ!...
Моя тернистая тропа
Ползеть среди растеній сорныхъ,

То вьется вверхъ, то тянетъ внизъ,
И вѣчно встрѣтится помѣха —
Глупца вѣнчаннаго капризъ
Иль дуры вѣтренной потѣха!

Морочишь всѣхъ, какъ ловкій плутъ,
То гороскопомъ, то ретортой, —
На правды зовъ они нейдуть,
Но всѣмъ имъ любъ мошенникъ тертый!

Сваливъ созвѣздя всѣ въ мѣшокъ
И ловко колбами играя,
Всю жизнь я сердце страстью жегъ
Къ тебѣ, о Истина святая!

Тонка науки нашей нить,
И я намучился не мало,
Чтобъ съѣть познаній крѣпко свить...
Я старъ, — но сердце не устало,

Святой огонь горить во мнѣ,
Я вѣрю, чувствую, я знаю,
Что гдѣ-то, тамъ, вдали, на днѣ,
Ключи къ безсмертію и раю...

Найти ихъ скоро долженъ я,
Надѣть вѣнецъ на жизни зданье,
И съ торжествомъ пята моя
Раздавить смерть, убить страданье!

Какъ нѣкій богъ или свѣтлый духъ,
Я буду юный, сильный, вѣчный, —
И если бъ даже міръ потухъ...
Но тише!... Путь мерцаетъ млечный,

Благопріятны мнѣ теперь
Созвѣзды Пса и Оріона,
Близка магическая дверь
Съ печатью царской Соломона...

Сказали звѣзды мнѣ давно
Въ лучахъ правдивыхъ аметиста,
Что тамъ найти мнѣ суждено
Кольцо Гермеса Трисмегиста!

Гдѣ соль? Скорѣй металлы въ печь
И камень рѣдкостный, цѣлебный...
И будетъ насъ всю ночь стеречь
Отъ злого духа кругъ волшебный!

МАКИАВЕЛЛИ

XVI вѣкъ

Уходитъ ночь, блѣднѣютъ тѣни,
Но долженъ кончить я главу...
О, Цезарь Борджіа, твой геній
Къ себѣ на помощь я зову!

Орлиный взоръ, для всѣхъ холодный,
Мнѣ душу сжегъ своимъ огнемъ,
И честь Италіи свободной
Я увидалъ, я понялъ въ немъ...

Бѣжали мелкіе тираны
Предъ блескомъ грознаго копья,
Друзьями шли чужія страны
Къ тебѣ, Италія моя!...

Рабамъ, пріученнымъ къ молчанью,
Сказать я долженъ правду велухъ:
Не жадность къ власти иль стяжанью —
Въ немъ жилъ высокій, смѣлый духъ!

Онъ шелъ грозой къ завѣтной цѣли
По трупамъ сверженныхъ враговъ,
Друзья... мы ими быть не смѣли, —
Ихъ быть не можетъ у орловъ...

И жертвой павъ судьбы двуликой,
Онъ въ мракѣ гордо скрылъ свой слѣдъ...
О, Цезарь! Геній твой великій
Увидѣлъ слишкомъ рано свѣтъ!

Толпѣ ли слабой и подкупной
Судить о сильныхъ въ грозный часъ,
Рѣшать о жизни ихъ преступной?...
Глушцы!... Я презираю васъ!...

Вы — люди? Нѣтъ! Вы только маски,
Звѣрей двуногихъ вы орда!
Нужны удары вамъ и сказки
И время вѣчнаго труда!

Я знаю крикамъ вашимъ цѣну,
И вамъ меня не обмануть:
Не приручить добромъ гіену,
Свобода вамъ къ безумству путь!

И всѣ, кто тайной волей неба
Достойны имени людей,
То плетью, то кусочкомъ хлѣба
Должны обуздывать звѣрей.

Дается горькою цѣною
Быть человѣкомъ злая честь...
Устроень мудрый міръ не мною,
Беру его, какимъ онъ есть, —

Лишь правду, всю, безъ колебанья!
Сажусь за рукопись мою —
И ядомъ опыта и знанья
Страницы книги напою!...

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

XVI вѣкъ

Какъ тяжки стали времена!...
Тебѣ, святѣйшая Мадонна,
Свѣча съ молитвой зажжена, —
Будь милосердна, благосклонна!

Съ улыбкой кроткой на устахъ,
Съ сіяньемъ сладостнымъ во взорѣ,
Всели въ сердца богатыхъ страхъ
И погрузи ихъ души въ горе!

Ты знаешь, какъ тяжелъ мой трудъ,
Какъ честенъ я и аккуратенъ,
Меня охотно всѣ берутъ,
Когда опасенъ врагъ иль знатенъ.

И какъ бы ни былъ онъ важонъ,
Хитеръ и ловокъ, — до разсвѣта
Онъ будетъ на смерть мной сражонъ
Ударомъ вѣрнаго стилета!

Опасный трудъ, тяжелый хлѣбъ!
Но часто отъ ступенекъ трона
Приходятъ въ жалкій мой вертепъ
Приказы гордаго патрона...

Работу черную берешь,
Крадешься вслѣдъ, согнувшись низко,
Чтобъ получить несчастный грошъ
Цѣной отчаяннаго риска...

Мадонна! Въ людяхъ чести нѣтъ!...
Скажу тебѣ я для примѣра —
На-дняхъ мой опытный стилеть
Отправилъ къ предкамъ кавалера,

И въ рѣку брошенъ былъ онъ мной...
Родные слухъ пустили вздорный,
Что онъ уѣхалъ за женой...
Уѣхалъ! Да! Слуга покорный!

Патронъ мой, какъ святой Оома,
Не вѣритъ мнѣ, не видя трупа...
Есть отъ чего сойти съ ума!
Стоишь и брань глотаешь глупо...

Теперь совѣмъ хоть дѣло брось!...
Мадонна! Нѣтъ во мнѣ обмана,
И видишь Ты меня насквозь —
Была его смертельна рана,

Я повернулъ клинокъ въ груди...
Мадонна! Съ жалкою мольбою
Прошу — съ престола снизойди
И кротко сжалъся надо мною!

АУГСБУРГСКИЙ ПАЛАЧЪ

XVI вѣкъ

Доволенъ я тобой, мой внукъ...
Я видѣлъ нынче, какъ мальчишкамъ
Ты показалъ, чтобъ силѣ рукъ
Они не довѣряли слишкомъ!

Казалось имъ, что впятеромъ
На одного напасть удобно...
Смѣялся я, когда потомъ
Они бѣжали, плача злобно...

Тупая чернь! Отродье зла!
Какъ ихъ отцы, презрѣнны дѣти!
И преступленьямъ нѣтъ числа,
Злодѣйствамъ счета нѣтъ на свѣтѣ!

Стоялъ бы всюду плачь и стонъ,
Разбой царилъ бы и насилье,
Когда бы лжи и злу законъ
Не подрѣзалъ сурово крылья...

Кто мечъ подъяль, тотъ отъ меча
Погибнетъ самъ, — то воля Божья!
Законъ поставилъ палача
Съ мечомъ у своего подножья,

И передъ нимъ дрожитъ народъ,
Купецъ, крестьянинъ, рыцарь гордый...
Мой внукъ! Ужъ двѣсти лѣтъ нашъ родъ
Тотъ мечъ хранить рукою твердой!

Намъ шлетъ толпа проклятій градъ,
Ея насмѣшки злобны, ѣдки,
Но знаетъ мудрый магистратъ —
То воетъ звѣрь въ желѣзной клѣткѣ!

Законъ безстрастный — вотъ нашъ мечъ,
Онъ судить праведно и быстро!...
Ты знаешь, въ дни высокихъ встрѣчъ
Палачъ стоитъ близъ бургомистра?

Я помню день — пріѣхалъ къ намъ
Самъ императоръ съ тьмой бароновъ...
Пальба и звонъ, народный гамъ,
Обмѣнъ привѣтствій и поклоновъ...

Онъ равнодушно слушалъ рѣчь —
Привычный рядъ хваленій льстивыхъ, —
И вдругъ увидѣлъ онъ мой мечъ,
Правдивый мечъ въ рукахъ правдивыхъ...

И онъ кивнулъ мнѣ головой
Съ улыбкой свѣтлой и довольной, —
И въѣхалъ мирно въ городъ свой,
Въ великій, мудрый городъ вольный,

Гдѣ, гордый огненнымъ плащомъ,
Законъ стоитъ, грозой повитый,
Какъ ангелъ съ пламеннымъ мечомъ
У входа въ рай, для зла закрытый!...

ИНКВИЗИТОРЪ

XVI — XVII вѣкъ

Зарей кровавой день погасъ,
И ночь легла на мѣръ спокойный,
Насталъ отдохновенья часъ,
Но я, — служитель недостойный

Того, Кто людямъ далъ завѣтъ
Любви и путь спасенья къ раю, —
Зажегъ въ угрюмой кельѣ свѣтъ
И трудъ дневной ночнымъ смѣняю...

Я долженъ бдѣть и день, и ночь
И, ратникъ въ воинствѣ Христовомъ,
Отъ слабыхъ гнать соблазны прочь
Въ служеньи Истинѣ суровомъ.

Владѣеть тѣломъ Сатана
И вводитъ душу въ искушенье,
Но, мукой тѣла спасена,
Душа познаетъ искупленье,

Мы сломимъ тѣла буйный зовъ,
Мы разорвемъ туманъ проклятый
Земныхъ, манящихъ, лживыхъ сновъ,
Какъ завѣщаль намъ Богъ Распятый!

Несчетны козни Князя Тьмы,
Онъ уловляетъ невозбранно
Покоя полные умы,
Рождая зло въ сердцахъ неожиданно...

Сегодня юная жена
Еретика была къ допросу
На судъ святой приведена...
Палачъ, схвативъ ее за косу,

Повергъ ее предъ нами въ прахъ, —
Но на лицѣ ея прекрасномъ
Прочли упорство мы, не страхъ,
Коснѣнье зла въ грѣхѣ опасномъ!

Палачъ покровъ съ нея совлекъ, —
Въ глазахъ зажегся блескъ особый,
Какъ раскаленный уголекъ,
Но не стыдливостью, а злобой...

И смѣлой груди бѣлизной
И стройныхъ ногъ видѣнемъ дерзкимъ
Смѣялся дьяволъ надо мной,
Сжигая кровь шептаньемъ мерзкимъ!...

Но кровью кровь я погасилъ, —
И, весь дрожа, глядѣлъ я жадно,
Какъ, не боясь бѣсовскихъ силъ,
Палачъ терзалъ ее нещадно...

И я услышалъ страсти крикъ!...
И, содрогнувшись въ упоеньи,
Я лбомъ къ Евангелію приникъ,
Свергая ада навожденье!...

Ее велѣлъ я унести:
Допросъ нельзя закончить сразу,
Нужны особые пути,
Чтобъ вѣрно вывести заразу...

Теперь скорѣе за докладъ,
Готовъ онъ долженъ быть сегодня...
Да расточится прахомъ адъ
Во славу Царствія Господня!...

ЛАНДСКНЕХТЪ

XVII вѣкъ

Эй, маркитантка, дай вина!
Расчетъ полкомъ сполна полученъ...
Сказали, кончена война!
Полковникъ старый хмурь и скучень...

Зачѣмъ?... Пятнадцать лѣтъ вдвоемъ
Мы дѣлимъ радость и заботы, —
Хозяевъ новыхъ мы найдемъ,
И новой хватить намъ работы.

Не обойдутся безъ войны
Народы, жаждущіе мира,
И будутъ всѣмъ всегда нужны
Моя пицаль, моя сѣкира.

Сегодня здѣсь, а завтра тамъ!
Не дѣло честнаго солдата
Смотрѣть, кто правъ, по сторонамъ, —
Была бы лишь прилична плата!

Мнѣ все равно идти на рать
Съ полякомъ, нѣмцемъ или шведомъ,
Я нанялся, чтобъ умирать!
Платите — я веду къ побѣдамъ!

Платите щедро — и готовъ
Все на пути дробящій молотъ:
Законъ одинъ для всѣхъ враговъ —
Кто не пристрѣленъ, тотъ заколотъ!

На рынокъ шкуру вынесъ я,
Съ судьбой играя честно въ кости,
И въ незнакомые края
Пойду спокойно къ смерти въ гости.

Какая смерть мнѣ суждена,
Не все ль равно? Не знаю страха...
Эй, маркитантка, дай вина!
Сегодня пью за полкъ Гарраха!

КАРДИНАЛЪ

XVII вѣкъ

Труды не кончены конклава,
Надъ Ватиканомъ вновь дымокъ...
Святой Маріи Дѣвѣ слава!
Соперникъ мой пройти не могъ...

Его люблю я всей душою,
Хотя заносчивъ онъ и гордъ...
Я скромнень съ братъею меньшою
И лишь въ вопросахъ вѣры твердъ.

Чтобъ папой стать, онъ лютеранамъ
Чуть-чуть что рай не обѣщаль,
Презрѣвъ свой долгъ Христовымъ ранамъ...
Какъ вы добры, мой кардиналь!...

Въ немъ рвенья пылкаго немного...
Его люблю я во Христѣ, —
Но въ монастырь ему дорога!...
Пойду съ мечомъ я при крестѣ...

Еще онъ вспоминалъ гусситовъ...
Блаженствомъ вѣчнымъ дорожа,
Я къ генералу езуитовъ
Послалъ съ запискою пажа...

Лишь наша церковь міру братство,
Любовь и счастье принесла!...
Я въ Грацѣ обѣщаль аббатство
Подругѣ вѣнскаго посла...

Французъ любезно былъ настроенъ...
Схитрилъ съ его я королемъ,
И этотъ честный, глупый воинъ
Готовъ считать меня нулемъ!...

Съ баварцемъ долженъ былъ я славить
Тироля горы до утра...
Въ моихъ рукахъ не будутъ ржавѣть
Ключи апостола Петра!

Съ надменнымъ трудно мнѣ испанцемъ...
Но сговорился я давно
Съ духовникомъ доминиканцемъ...
Что суждено, то суждено!

На мнѣ сейчасъ безволя тряпки,
И сплелъ я тонкой лести сѣть,
Чтобъ вмѣсто кардинальской шапки
Тіару папскую надѣть, —

Тогда спокойно и безъ гнѣва
Разить я ересь буду въ грудь...
Молю, Святая Матерь Дѣва,
Ты мнѣ заступницею будь!

ФРАНЦУЗСКІЙ АРИСТОКРАТЪ

Вторая половина XVIII вѣка

Баптисть, когда пройдешь ты внизъ,
Скажи-ка на ушко Денизѣ,
Что шлетъ почтительно маркизъ
Привѣтъ женѣ своей, маркизѣ,

И что почель бы онъ за честь, —
Коль скоро будетъ ей угодно, —
Сегодня съ нею ночь провести...
Иди!.. Я знаю, ночь свободна,

Уѣхалъ графъ въ Сень-Клу на балъ
Къ роднымъ... Веселья будетъ мало!...
Ему я дружески сказалъ,
Что дворянину не пристало,

Пока извѣстенъ онъ двору,
Какъ другъ маркизы постоянный,
Вести любовную игру
Съ актрисой мелкой... выборъ странный!

Въ душѣ не такъ виновенъ онъ:
Въ салонахъ намъ пришлось на долю
Терпѣть дурной, мѣщанскій тонъ,
Заразу вынесшій на волю,

Изъ всѣхъ щелей наполнило къ намъ
Самонадѣяннаго люду, —
Шутить готовъ я съ ними самъ,
Но подражать имъ я не буду!

Знакомъ я съ Гриммомъ и съ Дидро,
Я, какъ и всѣ, цѣню Вольтера, —
Острѣй иглы его перо! —
Но, вѣдь, во всемъ должна быть мѣра...

А, между тѣмъ, отъ словъ къ дѣламъ
Переходить всѣ люди притки...
Боюсь я, что придется намъ
За слабость тяжкіе убытки!

Мнѣ пишетъ старый нашъ аббатъ,
Что въ деревняхъ народъ упорный
Отъ податей отбиться радъ
И вѣрять всякой вѣсти вздорной,

Онъ хочетъ равнымъ быть — кому?
Свободнымъ — гдѣ и въ чемъ свобода?
И ясно трезвому уму —
Добра не ждать намъ отъ народа...

Мнѣ все равно! Пока я живъ,
Отъ жизни все возьму, что можно:
Мы разъ живемъ!... А кто трусливъ,
Пускай глядитъ впередъ тревожно!

Служу я честно королю,
Себѣ, — надѣюсь, что и Богу, —
И счастья каждый мигъ ловлю,
Склоняясь къ смерти понемногу...

Ну что, Баптистъ? Насъ ждетъ приѣмъ?
Прекрасно. Эту ночь мы вмѣстѣ
Опять съ маркизой проведемъ,
Какъ подобаетъ людямъ чести!...

Средневековые фрески

1.

ДРУЖИННИКЪ

Покрылись плѣсенью доспѣхи,
Заржавѣлъ за зиму мой мечъ,
Мнѣ больше нечего беречь —
Въ карманахъ вижу лишь прорѣхи...
Но въ небѣ, вымытомъ дождемъ,
Мелькають ласточки на волѣ,
Давно крестьянинъ вышелъ въ поле...
Весна пришла... Мой графъ! мы ждемъ!...

Я мечъ точу и панцырь чищу,
Я взялъ сѣкиру изъ угла...
Теперь, когда зима прошла,
Выходитъ волкъ, почуявъ пищу,
И вслѣдъ за опытнымъ вождемъ
Пойдетъ нашъ полкъ могучимъ строемъ...
Мы всѣ наскучили покоемъ,
Весна пришла... Мой графъ! мы ждемъ!...

2.

ЛУЧНИКЪ

Въ лугахъ поднялась молодая трава...
Прислушайся — тихо гудитъ тетива,
Недолго — и тучею въ воздухѣ чистомъ
Посыплются стрѣлы съ ласкающимъ свистомъ,
Сквозь панцири крѣпко вопьются въ тѣла...
И, участь рѣшая кипящаго боя,
Нагонитъ и лучшихъ изъ вражяго строя
Свободная, грозная птица — стрѣла.

Коней погоняйте, — но стрѣлы быстрѣй!...
Какъ горные вихри иль вѣтеръ съ морей,
Помчатся къ врагу наши вѣрные слуги,
Отъ нихъ не спасутъ ни щиты, ни кольчуги, —
Спасется-ли ястребъ отъ клюва орла?
И въ сердце врага безъ пощады вонзится
Проворная, смѣлая, вѣрная птица,
Свободная, грозная птица — стрѣла!

3.

ГОРОЖАНИНЪ

Городъ спокоенъ, рѣка глубока,
Стѣны высоки, и стража зорка...
Дружно берусь за работу!
Строй и торгуй, создавай, хлопочи!...
Гдѣ-то далеко трубятъ трубачи...
Графы о насъ притушили мечи,
Мы имъ отбили охоту!

Наши права намъ король подтвердилъ,
Мы не боимся разбойничьихъ силъ,
Сталью окованы зубы!
Въ нашихъ рукахъ городскіе ключи,
Мирно работай, но мечъ наточи,
Помни, что волки выходятъ къ ночи...
Звонче трубите вы, трубы!

4.

ГРАФЪ

Холопы! Сѣдлайте скорѣ коней...
И трубы — трубите дружныи и сильныи!
Походомъ веселымъ по вражескимъ селамъ
Добычу и славу добудемъ себѣ,
Коль будетъ угодно судьбѣ!

Мой герцогъ далеко, и въ ленѣ я графъ!
Чей мечъ не погнется въ борьбѣ, тотъ и правъ!
Добыча и слава — въ мечѣ мое право,
Кто мягокъ душою и мышцами слабъ,
Не рыцарь свободный, а рабъ!

Поютъ трубадуры въ красивыхъ словахъ
О дамахъ прекрасныхъ, любовныхъ судахъ...
И сами мы къ ночи споемъ имъ про очи!
Но рыцарямъ дамы въ забаву даны,
Мы — слуги меча и войны!

Дружина, впередь! Я веду васъ въ походъ,
Мой опытъ — грядущей побѣды оплотъ!
Подъ знаменемъ старымъ могучимъ ударомъ
Руби безъ пощады, безъ промаха бей, —
И горе тому, кто слабѣй!

ГРАФИНЯ

Тянутся тѣни покровами длинными
Вдоль утомленной земли...
Пажикъ мой милый, глазами невинными
Что ты увидѣлъ въ дали?
Жизнь одѣвается въ ризу лучистую,
Манитъ счастливой судьбой?...
Пѣсенку тихую, нѣжную, чистую,
Пажикъ мой милый, пропой!

Снятся невиннымъ ночами счастливыми
Ласки, любовь, красота,
Сны околдуютъ улыбками лживыми,
Въ мукахъ проснется мечта!
Жесткія души подъ рѣчью цвѣтистою
Грубой грозятся рукой...
Пѣсенку тихую, нѣжную, чистую,
Пажикъ мой милый, пропой!

6.

ПАЖЪ

Мой графъ отправился въ походъ,
Я вмѣстѣ съ нимъ хотѣлъ,
Онъ мнѣ сказалъ: «Мой пажъ, ты смѣлъ,
Но слишкомъ юнъ для ратныхъ дѣлъ,
Проси меня чрезъ годъ».
Когда ушелъ ея супругъ,
Шепнула мнѣ она:
«Мой милый пажикъ, мнѣ нужна
Твоихъ невинныхъ глазъ весна,
Мнѣ нуженъ вѣрный другъ».
Теперь служу я только ей,
Другихъ для сердца нѣтъ,
Дороже мнѣ, чѣмъ жизнь и свѣтъ,
Ея улыбка и привѣтъ
Ласкающихъ очей.
Я ей пою по вечерамъ,
Когда мы съ ней одни...
Сгораютъ медленно огни...
О, счастье! въ сердце мнѣ взгляни —
Себя найдешь ты тамъ!

7.

МОНАХЪ-ПРОПОВѢДНИКЪ

Dies irae ...

Судный день настанетъ скоро
Для мятущихся сердець!
Въ день расплаты и позора
Не избѣгнуть приговора
Горделивый и мудрецъ!

Въ день ужасной вѣчной мести
Передъ грознымъ Трономъ Силь
Старъ и младъ предстанутъ вмѣстѣ, —
Міръ невѣрья, зла и лести
Къ мукамъ встанетъ изъ могилъ!

Надо къ церкви кроткой въ лоно
Малодушныхъ гнать бичомъ!
Кто боится слезъ и стона —
Что онъ скажетъ тамъ, у Трона,
Передъ огненнымъ мечомъ?

Церковь наша — ты Христова
И невѣста, и раба!...
Судный день грядетъ сурово,
И конецъ всего земного
Возвѣститъ гремя труба!

Всѣмъ конецъ — богатымъ, бѣднымъ,
Грѣшнымъ, праведнымъ — конецъ!
Миръ исчезнетъ сномъ безслѣднымъ,
Всѣхъ звенящимъ кличемъ мѣднымъ,
Всѣхъ зоветь къ суду Творецъ!

8.

ТРУБАДУРЪ

(На провансальскій ладъ)

Съ высокихъ горъ глядятъ на мѣрь сурово
Неталые снѣга,
И вѣтеръ ихъ дыханье ледяное
Еще приноситъ по ночамъ въ долины,
Но ласки солнца, что ни день, нѣжнѣе,
И къ намъ нисходитъ страстно и стыдливо
Красавица-весна.

Любовь моя, я знака жду иль слова,
Я знаю, ты строга,
У ногъ твоихъ смолкаетъ все земное,
Въ твоихъ очахъ небесныя глубины,
Но страсть моя, дрожа и пламенѣя,
Дойдетъ къ тебѣ, какъ въ бурный часъ прилива
Могучая волна.

Велишь — съ тоской уйдетъ скитаться снова
Твой рыцарь и слуга,
Молить въ пустынѣ мира и покоя,
Искать въ бояхъ съ невѣрными кончины,
Но въ немъ любовь къ тебѣ всего сильнѣе, —
И будетъ ждать онъ смерти молчаливо,
Какъ ждетъ уставшій сна.

Любовь моя... Но счастье терпѣливо...
Кругомъ и въ насъ весна!

МОНАСТЫРСКИЙ КРЕСТЬЯНИНЪ

Клубится паръ на пашнѣ...
 Протяжный звонъ вдали —
 Монахи, ставъ попарно въ рядъ,
 Къ заутренѣ пошли...

Плетись мой волъ! Мнѣ надо
 Кормить семью мою!
 Я веселья этою весной,
 Я пѣсенки пою!

А было не до пѣсенъ
 У графа подъ крыломъ...
 И до сихъ поръ душа болитъ,
 Какъ вспомню о быломъ!

Поборы, поруганья,
 Безъ правды, безъ суда, —
 Не стало дома намъ житья,
 Бѣжали мы сюда...

Отець-ключарь мнѣ молвилъ:
«Нашъ разумъ слабъ и малъ.
Вчера Господь призвалъ двоихъ, —
А четверыхъ прислалъ!

Тебя зовутъ Иваномъ...
Молчи! мнѣ лучше знать!...
Ты будешь здѣсь спокойно жить,
А щить нашъ — Божья рать!

Ты будешь десятину
Платить монастырю,
Что хочешь, къ праздникамъ большимъ...
А тамъ я посмотрю!»

И щелкаетъ зубами
Мой графъ издалека...
У церкви нашей кроткій духъ,
Но сильная рука!

Плетись, мой волъ, усердно,
Бреди, не отставай...
Господь опять привелъ весну,
Онъ дастъ и урожай!

V a r i a

ДВА ГОЛОСА

Скажи мнѣ, вѣчный часовой,
Зачѣмъ, откуда ты?
— «Я искра Силы міровой,
Зарница дѣйственно живой
Любви средь темноты».

Кругомъ лишь мракъ, и нѣтъ любви,
И смертью живы мы!
— «Въ моряхъ пролившейся крови
Мечту далекую лови,
Какъ свѣтъ въ окнѣ тюрьмы».

Мечта — обманъ, погаснетъ свѣтъ,
И все, что живо, прахъ!
— «Кто знаетъ счетъ предвѣчныхъ лѣтъ?
Что было, будетъ или нѣтъ
Въ кружащихся мірахъ?»

Міры — безцѣльная игра
Слѣпыхъ, ненужныхъ силъ!
— «Пройдетъ земныхъ ночей пора.
Безумецъ тотъ, кто до утра
Свой факель погасилъ».

Скажи, куда-же голосъ твой
Ведетъ изъ темноты?
— «Не конченъ часъ сторожевой,
Я только вѣчный часовой
И смѣны жду, какъ ты».

MEMENTO!

Замирая въ туманной ночной тишинѣ,
Докатился глухою волной
Колокольни далекой ударъ вѣстовой:
«Пробудись! Не забудь обо мнѣ!
Я считаю часы, отмѣряю судьбу,
Шагъ за шагомъ, но вихря быстрѣй.
Я не знаю, кто я, въ этомъ царствѣ тѣней,
Промелькнувшихъ и спящихъ въ гробу.
Непонятенъ мнѣ жизни взволнованной шумъ,
Безразлично молчанье могилъ.
Мнѣ не жаль ни безцѣльно играющихъ силъ,
Ни людскихъ недодуманныхъ думъ.
Застилаютъ туманы вверху и на днѣ...
Неумолчную жизни борьбу.
Я считаю часы, отмѣряю судьбу...
Пробудись! Не забудь обо мнѣ!»

* * *

Юноши, быстрые, смѣлые, сильные,
Дѣвы, заложницы рода грядущаго,
Жатвы скорѣе собирайте обильныя
Съ поля, лишь свѣтлой весною цвѣтущаго,
Пойте, свободные, пѣсни безпечныя,
Правду ищите душою внимательной,
Свѣжими чувствами зданія вѣчныя
Стройте изъ камня мечты зажигающей,
Въ пламени, вѣтромъ на время поддержанномъ,
Свѣточъ негаснущій ждите, счастливые,
Смѣну богамъ отживающимъ, сверженнымъ,
Гордо готовьте рукой торопливою:
Время бѣжитъ, и проклятыя старинныя
Змѣями лягутъ на души смущенныя, —
Юноши сильные, дѣвы невинныя,
Рокомъ желѣзнымъ на жизнь обреченныя!...

* * *

Мечты и видѣнья любви невозможной
Меня оградили средь жизненныхъ бдѣній,
Какъ легкія звенья кольчуги надежной,
Отъ грубыхъ насилій, минутныхъ влеченій,
Отъ темныхъ тумановъ крови распаленной
И позднихъ укоровъ тяжелыхъ похмѣлій,
Отъ низкихъ обмановъ, отъ цѣпи сплетенной
Изъ жалкихъ раздоровъ и лживыхъ веселій,
И, въ снахъ беззаботныхъ надъ сердцемъ витая,
Зовуть за собою куда-то далеко,
Какъ птицъ перелетныхъ плывущая стая,
Надъ дальней землею поднявшись высоко!...

* * *

Люблю я міръ нашъ необъятный,
Игру кипучихъ силъ земныхъ
И строй жестокій, но занятный,
Сердцеъ таинственныхъ людскихъ.
Волнуемъ жизни чередою,
Горя надеждой и борьбою,
Я жить хочу! Я долженъ жить!
Но, знаю, смерть рукой спокойной
Порветъ кипящей жизни нить —
И умереть хочу достойно!
Пусть ищутъ слабые окно
Для свѣта жалкихъ утѣшеній,
Но сильнымъ — жизнь и смерть одно,
И смерть лишь сонъ безъ сновидѣній...

* * *

Еще своихъ послѣднихъ пѣсенъ
Не спѣлъ послѣдній нашъ поэтъ:
Весной, какъ прежде, мѣръ чудесенъ
И въ сердцѣ — солнце и расцвѣтъ.
Еще огнемъ вскипаетъ въ жилахъ
Вина живящаго струя, —
О злыхъ ночахъ, о дняхъ постылыхъ
Забудеть въ немъ душа моя.
Еще красавицу люблю
Любой приманить молодець,
И безъ труда себѣ хромую
Найдетъ воркующій слѣпецъ.
Пока могилы вѣчный холодъ
Не погасилъ огня въ тебѣ,
Не уступай — ни старь, ни молодь —
Всегда предательской судьбѣ,
Виномъ, любовью, пѣснью смѣлой
Недолгій вѣкъ свой озари,
Хоть счастья тѣнь рукой умѣлой,
Рукою дерзкою бери!...

* * *

Цвѣтокъ жасмина благоуханный,
Ты мнѣ на память случайно данъ,
И болью сладкой, давно не жданной,
Обвѣялъ душу былой обманъ —
Зарницы страсти, дурманъ мечтаній,
Надеждъ завѣтныхъ и молодыхъ,
Обрывки мыслей, воспоминаній,
Давно забытыхъ, но все живыхъ...
Щемящимъ чувствомъ, тоскою странной
Сжимаетъ сердце былой обманъ...
Цвѣтокъ жасмина благоуханный,
Ты мнѣ на память случайно данъ...

* * *

Въ туманной розовой дали
Кайма тяжелой сѣрой стали
Изъ моря вынырнувшихъ тучъ,
И, брошенъ облакомъ высокимъ,
Въ водѣ горитъ столпомъ широкимъ
Заката отраженный лучъ.
Проходитъ лодка молчаливо,
За нею ширится лѣниво,
Слегка темнѣя, зыбкій слѣдъ,
Все стынетъ въ мягкой, теплой лѣни,
Ползуть къ песку изъ лѣса тѣни,
И тихо, тихо гаснетъ свѣтъ...

СЕРЕНАДА

Все кругомъ стемнѣло... Легкой дымкой бѣлой
Теплый надъ рѣкой туманъ...
Жду тебя, волнуясь, и рукой несмѣлой
Знакъ свиданья робко данъ.

Воздухъ, напоенный вздохомъ ночи сонной,
Сладкимъ запахомъ цвѣтовъ,
Въ душу леть смятенье, и груди стѣсненной
Не найти для страсти словъ.

Вотъ зажглись надъ нами звѣзды огоньками
Тамъ, въ далекой вышинѣ...
Всей душой зову я, сердцемъ, не словами, —
Жду тебя, приди ко мнѣ!

* * *

Весеннимъ утромъ дышитъ лѣсъ такъ ровно,
Свѣтлѣютъ нѣжной зеленью листы,
Дрожать и къ свѣту тянутся любовно...
Какъ лѣсъ, живи и ты!

Какъ лѣсъ, отвѣтъ на грозные вопросы: —
Къ чему весна, цвѣты средь новыхъ травъ,
Дыханьемъ жизни собранныя росы? —
Кто можетъ жить, тотъ правъ!

Побѣгомъ новымъ брызжетъ жизнь изъ тлѣнья,
Смѣняясь безъ начала и конца,
И сыну молодого поколѣнья
Нѣтъ дѣла до отца!

Простите вы, сошедшіе въ могилу,
Вы все должны простить тому, кто живъ,
Кто чувствуетъ, что въ сердцѣ будить силы
Весеннихъ дней призывъ!

Я знаю — все раздѣлить участь вашу,
Но я живу, и мнѣ цвѣтеть весна...
Пока мнѣ жизни сонъ подноситъ чашу,
Я пью ее до дна!...

* * *

Цвѣти нездѣшной красотой,
Мечты волшебный лугъ!
Надеждой дышитъ голосъ твой —
А можетъ быть? А вдругъ?

Лети, какъ птица, мой порывъ
Въ волшебные края!
Въ отвѣтъ на радостный призывъ
Звени, душа моя!

Звени струной, дрожи, несись,
И сквозь волшебный кругъ
Услышишь тамъ, гдѣ свѣтъ и высь:
А можетъ быть? А вдругъ?

Живи огнемъ могучихъ чаръ,
Волшебной правды сонъ!
Буди въ душѣ нетлѣнный жаръ,
Звучи, какъ свѣтлый звонъ!

Примчи надежду и мечту,
Волшебныхъ вѣрныхъ слугъ,
Нездѣшной жизни красоту!...
А можетъ быть? А вдругъ?...

* * *

Для тебя я живу и живу лишь тобой,
Въ этомъ сердцѣ живешь только ты!...
Не глазами гляжу на тебя, а душой, —
Мнѣ не пужно твоей красоты!
Я гляжу на тебя, и я вижу любовь,
Видю сердце свое на яву...
Я закрою глаза — и увижу я вновь:
Это ты! и тебя я зову...
Я люблю, и за то, что я такъ полюбилъ
По счастливой и свѣтлой судьбѣ,
Я отдамъ тебѣ все... но ни жизни, ни силъ
Отъ меня ты не хочешь себѣ!...
Ничего не могу я тебѣ принести,
Кромѣ пѣсенъ любви и весны...
И поють на моемъ одинокомъ пути
Звуки дальней волшебной струны!...

* * *

Люблю тебя — а почему?
Не знаю я и самъ...
Понятно сердцу, не уму,
Кто создалъ свѣтъ, разсѣялъ тьму,
Даль краски небесамъ...

Люблю тебя — а для чего?
Не разсужу никакъ...
Безъ солнца въ жизни все мертво,
Мы имъ живемъ, и безъ него
Нашъ мiръ бездушный мракъ...

Люблю тебя — а навсегда-ль?
Не спрашивай меня...
Горитъ зарей вечерней даль,
И сердцу ясно, но не жаль,
Что ночь на смѣну дня...

ВЕСНОЮ

Весенней порой благодатной
Намъ снятся волшебные сны
И рѣчью невнятной, но сердцу понятной,
Волнують, какъ свѣжесть весны,
Чудеснымъ узоромъ мелькають предъ взоромъ
И радугой яркой горять,
Мечты одѣвають блестящимъ уборомъ,
Надеждамъ сплетаются нарядъ...
Играющимъ силамъ все кажется милымъ,
Все кажется близкимъ, роднымъ,
И мчатся желанья съ порывистымъ пыломъ
И въ вихрь кружатся, какъ дымъ...
Отъ жизни все лучшее взято,
Полна красота глубины,
И сердце объято волной аромата,
Волной благодатной весны!...

* * *

Улыбка, взглядъ, движенье рукъ...
И что-то каменное вдругъ
Тисками крѣпко грудь сдавило...
Тупая боль... затѣмъ порывъ
Уйти, убить!... Обиды взрывъ
И злобы бѣшеная сила...
Убить? Уйти? А дальше что?
Гдѣ, у кого найдешь ты то,
О чемъ мечтаешь такъ упорно?
Ты ищешь вѣрности? Ну что-жь,
Забудь, что все обманъ и ложь,
Склонись передъ судьбой покорно,
Закрой въ кулисы плотно дверь,
Игрѣ искусной слѣпо вѣрь,
Любуйся громко маской жалкой,
Будь остороженъ, въ мѣру слабъ,
И, какъ привыкшій къ дому рабъ,
Кормись то ласкою, то палкой,
Молчи, терпи!... Иль самъ терзай:
Здѣсь на землѣ жестокимъ рай
И не болитъ чужая рана,
Буди въ чужой душѣ пожаръ
И чувства звѣрскаго угаръ
Смѣни на пышный цвѣтъ обмана!...

* * *

Ночь замерцала улыбкою темной,
Звѣздами смотритъ на насъ...
Вижу — въ окнѣ твоей комнатки скромной
Свѣтъ задрожалъ и погасъ...

Что-то мелькнуло прозрачнымъ видѣньемъ,
Въ воздухѣ тихо звеня...
Сонъ одѣваетъ волшебнымъ забвеньемъ
Горечь прошедшаго дня...

Спи — и не помни безцѣльной неволи
Жизнью рожденныхъ оковъ!
Спи безъ сознанья, безъ счастья, безъ боли,
Спи безъ обманчивыхъ сновъ!

Счастливъ, кто ночью заснулъ безмятежно,
Сбросивъ обманъ бытія!...
Ночь улыбается тихо и нѣжно,
Мирную грусть затая...

ВЪ ПОЛѢ.

Я загадалъ по лепесткамъ
Цвѣточка полевого,
Надолго ль станетъ счастья намъ
Отъ чувства молодого.

Гадаю, — но въ твоихъ глазахъ,
Смѣющихся и ясныхъ,
И въ нѣжныхъ, ласковыхъ словахъ,
И вспыскахъ страсти властныхъ

Отвѣтъ давно прочитанъ мной:
Любовь вспорхнетъ, какъ птица,
И съ пѣсней звонкой въ край иной,
Свободная, умчится...

Любовь твоя свѣтла, легка,
И стаетъ такъ-же скоро,
Какъ запахъ этого цвѣтка
Средь этого простора!...

* * *

Въ воздушномъ морѣ тишь, ни вѣтерка,
И нѣжно звонъ глухой издалека
Несетъ душѣ неожиданно вѣсть отрады,
Какъ будто чья-то мощная рука
Сняла на мигъ съ пространства всѣ преграды.

Душѣ внезапно даль и глубь яснѣй,
И чувствуетъ сердце зорю новыхъ дней,
Далеко, гдѣ-то тамъ, за міромъ браннымъ,
Гдѣ свѣтъ неугасающихъ огней
Горитъ предъ Духомъ вѣчнымъ и нетлѣннымъ!

* * *

Ты ждешь меня... Твой взоръ нетерпѣливый
Ужъ видитъ мигъ счастливый нашей встрѣчи,
Отрывистыя рѣчи и лобзанья,
И послѣ — отдыхъ нѣжный и лѣнивый...
Обнявъ рукой стыдливой друга плечи,
Ты, какъ цвѣтокъ расцвѣтшій, ждешь желанья
Подъ пылкаго признанья шопотъ страстный...
И если голосъ властный увлеченья
Сулитъ тебѣ мученья въ часъ ужасный,
Когда съ мольбой послѣдней и напрасной
Во мнѣ прочтешь ты холодъ и сомнѣнья, —
Не все ль равно? Мгновенье такъ чудесно,
И мы живемъ такъ мелко и такъ мало,
Что, если страсть хоть разъ тебѣ сіяла,
Въ земныхъ восторгахъ все тебѣ извѣстно!...

* * *

Клятвъ и обѣщаній мнѣ не надо!
Страстно обнимая станъ твой гибкій,
Счастливъ я нѣмою рѣчью взгляда,
Лаской рукъ и нѣжною улыбкой!
Ты моя теперь, и все, что было,
Все, что будетъ, въ настоящемъ тонетъ...
Въ нашемъ поцѣлуѣ — жизнь и сила,
Онъ, какъ вѣтеръ, мысли рветъ и гонитъ!
Нашъ онъ — этотъ мигъ, въ немъ нѣтъ тумана,
Горькихъ чувствъ и тягостныхъ загадокъ:
Только бѣглый мигъ не дастъ обмана,
Только онъ одинъ и чистъ, и сладокъ!
Все, что жило, пролетѣло тѣнью,
Все, что будетъ жить, не существуетъ, —
Вѣрю лишь минутѣ, лишь мгновенью,
Тотъ мнѣ вѣренъ, кто меня цѣлуетъ!...

* * *

Мы другъ друга любимъ нѣжно,
Мы другъ другомъ такъ полны,
Что, конечно, неизбежно
Намъ размолвки суждены.
Прихоть женская, скажу я,
Складъ мужской, мнѣ скажешь ты,
Даже въ узахъ поцѣлуя
Мы несемъ свои кресты.
Общимъ чувствомъ, общимъ ложемъ
Мы съ тобой одно вдвоемъ,
Мы любить другъ друга можемъ,
Но другъ друга не поймемъ!

* * *

Вечеръ легкой, нѣжной тѣнью
Стеръ неслышно рѣзкость граней,
И его прикосновенью
Сердце внемлетъ, точно пѣнью
Въ зачарованномъ туманѣ.

Грудь сжимается тревожно,
Кровь въ вискахъ стучится глухо,
Шепчетъ мягко, осторожно:
«Невозможное — возможно»
И волнуетъ бездны духа...

Отдѣливъ себя отъ тѣла,
Онъ уходитъ въ даль исканій,
Чтобъ найти легко и смѣло
То, что тамъ, въ туманѣ, пѣло
Безъ земныхъ преградъ и граней...

ОТКРОВЕННАЯ СЕРЕНАДА

Тихо прокрался я въ садъ черезъ ограду,
Знака условнаго жду...
Томную спѣть-бы теперь серенаду!...
Гдѣ эти пѣсни найду —

Пѣсни о вѣрности радостной, твердой,
Пѣсни о вѣчной любви,
Нѣжной и пламенной, робкой и гордой,
Пѣсни вскипѣвшей крови?...

Жизни уроки безстрастны и круты,
Вѣрность и вѣчность — мечты...
Изрѣдка даритъ намъ счастье минуты,
Счастье сейчасъ — это ты!

Все мы забудемъ въ пылу поцѣлуя,
Грудью прижавшись къ груди...
Мигъ пронесется дрожа, торжествуя...
Помни!... но утра не жди...

Вотъ зазвучала гитара предъ садомъ...
Завтра, коль хочешь, повѣрь
Гладкимъ рѣчамъ и ночнымъ серенадамъ...
Нынче — моя эта дверь!...

* * *

Въ глазахъ твоихъ зажглась весна,
Ты вся — тепло и свѣтъ,
Въ душѣ твоей сомнѣній нѣтъ, —
Но это чары сна.

Ты чистымъ сердцемъ не зови
Въ волшебные края!
Что можетъ дать любовь моя
Проснувшейся любви?

Впередъ боюсь я заглянуть,
Грядущее темно,
Но мнѣ знакомъ любви давно
Тяжелый скользкій путь.

Я лгать не стану ни тебѣ,
Ни совѣсти моей:
Мнѣ сердцемъ не снести цѣпей
Покорности судьбѣ...

Уйди, пока чужіе мы,
Пока страданье — сонъ...
Въ любви и жизни смерть — законъ,
И сердце — царство тьмы!...

Заря скользнула вспышкой алой
Предъ близкимъ царствомъ темноты...
Не жди чудесь душой усталой:
Не остановишь солнца ты!

Не жди чудесь, но жди разсвѣта, —
И, пѣсню жизни затая,
Пусть будетъ вѣрою согрѣта,
Какъ солнцемъ мѣръ, душа твоя!

Не обращай къ судьбѣ моленій,
Ты примешь изъ ея руки
Лишь холодъ позднихъ сожалѣній
И мракъ бездѣйственной тоски.

Судьба въ тебѣ, въ твоихъ порывахъ,
Въ твоей созидущей любви!
Какъ колосъ на родимыхъ нивахъ,
До жатвы будущей живи!

Спокойно жди въ зарю захода
Отраду утренней зари...
Какъ все кругомъ, ты самъ природа!
Живи, какъ все! Какъ все, умри!

* * *

Море тихо и безцвѣтно,
Улетѣли чайки рано,
Дышитъ день едва замѣтно
Въ сѣромъ пологѣ тумана;
Лѣсъ чернѣетъ молчаливо,
И на влажныя тропинки
Листья падаютъ тоскливо,
Точно дѣтскія слезинки;
Даль подъ сѣрой пеленою
Уплываетъ въ безконечность,
Полонъ грусти и покоя,
День отходитъ тихо въ вѣчность...

* * *

Горы влекутъ насъ вершинами снѣжными,
Море насъ далями манить безбрежными,
Въ вѣчной природѣ — и жизнь, и покой...
Горы неожиданно грозятъ намъ обвалами,
Море — туманомъ, внезапными шквалами,
Смерть подзываетъ холодной рукой...

Какъ средь людей, подъ личиной пріятельской
Ждетъ насъ ударъ роковой и предательскій...
Бей! Мы для смерти увидѣли свѣтъ!
Вѣчной природы обманъ упоительный
Въ смерти даетъ намъ напитокъ цѣлительный,
Въ смерти даетъ нашей жизни отвѣтъ!...

Ночь надвигается... Тамъ, надъ высотами
Солнца лучи оживаютъ красотами...

Жизнью и красками море полно,
Свѣта послѣдняго лаской побѣдною!...
Ночь появилась съ улыбкою блѣдною...
Сонъ или смерть?... На востокѣ темно...

Гдѣ-то глубоко въ душѣ, подъ замками,
Искорки тлѣютъ и злыми глазами
Свѣтятся, смотрятъ на волю завѣтную,
Буйную, смѣлую, волю запретную, —
Вспыхнуть бы молніей, кинуться къ двери,
Въ лѣсъ, на приволье, гдѣ дикіе звѣри,
Скинуть бы разума руку холодную,
Жить и не думать — и душу свободную
Радостью жизни наполнить до края,
Сердце потѣшить, свободно играя,
Чувствовать, жизнь ощущать безконечную,
Силу слѣпую, могучую, вѣчную, —
Жить и не думать!... Но крѣпки засовы,
Прочны замки, и на стражѣ, суровы,
Разума зорко взирають велѣнія
Безъ состраданія, безъ сожалѣнія...

* * *

Все кончено, казалось, между нами,
И наши разошлись давно пути...
Спокойно вспоминалъ я временами
О всемъ, что я мечталъ въ тебѣ найти.

Не знало наше чувство постоянства...
Сказали мнѣ, что постарѣла ты...
Насъ разлучало время и пространство, —
И вдругъ увидѣлъ я твои черты!

Я видѣлъ ихъ такими же, какъ прежде,
Какъ въ дни, когда твой взоръ мнѣ былъ такъ милъ,
Когда моей любви, моей надеждѣ
Онъ счастьемъ неизвѣданнымъ свѣтилъ!

Какими сердце помнило и знало,
Такими видѣлъ я твои черты...
О, неужель забыть — полжизни мало?
О, время, неужель бессильно ты?...

* * *

Я снова былъ съ тобой... Раздѣлены годами,
Привычками, судьбой, чужіе, цѣлый часъ
Бесѣдою живой, забавными словами,
Мы легкій свѣтскій бой вели, какъ всякій разъ.

Чужіе! А потомъ одинъ, разбитый, слабый,
Я думалъ лишь о томъ, что ты всегда со мной
Въ душѣ, въ умѣ моемъ, что ты одна могла бы
Любви своей огнемъ мнѣ міръ открыть иной.

О, если бы я могъ сказать, какъ сердце нѣжно
И какъ я одинокъ на жизненномъ пути!
О, если бы у ногъ твоихъ рукой небрежной
Слѣпого счастья богъ мнѣ далъ покой найти!...

Несбыточные сны мечты крылатой, рѣзвой,
Вы жалки и смѣшны, какъ днемъ ночная тѣнь!
Проснувшись, мы полны дѣйствительности трезвой,
И намъ не до весны въ холодный зимній день...

Гляжу съ тоской на страднѣй путь
Давно угасшихъ увлеченій,
И мнѣ добромъ не помянуть
Былыхъ восторговъ и мученій!
Играла злая шутки кровь,
Душа отъ лжи страстей устала...
О, если-бъ вправду мнѣ любовь
Судьба счастливая послала!
Тогда, всего себя отдавъ
Тому, что мнѣ любовь велѣла,
Я былъ-бы чистъ, я былъ-бы правъ,
И жизни крестъ я несъ-бы смѣло!
И если-бъ даже былъ вѣнецъ
Прибить терновый къ изголовью,
Свѣтло я встрѣтилъ-бы конецъ
За то, что посланъ онъ любовью!...

* * *

Я ждалъ тебя — зачѣмъ? не знаю...
И сонъ безжалостной рукой
Привелъ, скользя по бездны краю,
Любимый, лживый образъ твой.

Въ душѣ моей заныла рана,
Рѣзнули сердце, какъ ножи,
Сквозь горечь стараго обмана
Побѣги новой вѣчной лжи.

Я зналъ разсудкомъ бесполезнымъ —
Не можешь ты не обмануть!...
Но страсть объятіемъ желѣзнымъ
Сжимала слабнущую грудь.

Послѣдней чистой искрой воли
Гоня грядущую бѣду,
Я вскрикнулъ отъ стыда и боли,
Открылъ глаза — и снова жду...

* * *

Я живъ, и образъ твой живетъ во мнѣ,
Твой голосъ, взоръ, лицо твое родное, —
И часто днемъ и ночью въ тишинѣ
Сдается мнѣ, ты говоришь со мною.

Но я умру. Со мной умрешь и ты.
Растаемъ мы, исчезнутъ наши тѣни,
Какъ на могилахъ сгнившіе кресты,
Какъ сотни прежде жившихъ поколѣній.

Никто, ничто, мы будемъ тутъ и тамъ,
Песчинки въ лонѣ матери-природы.
Межъ тѣмъ, какъ будутъ пѣть другимъ, не намъ,
Порой весенней вѣтеръ, лѣсъ и воды.

О, тѣнь любимая, въ короткомъ снѣ
Мы были подняты волною зыбкой!
Но я живу, и образъ твой во мнѣ
Ласкаетъ душу прежнею улыбкой.

* * *

Неумолимой правды обликъ злобный
Мелькнулъ на мигъ среди нѣжныхъ словъ твоихъ,
Какъ жуткій холодъ надписи надгробной
Среди цвѣтовъ, не для нея живыхъ.

Онъ притаился, ждетъ вопроса, слова...
Нѣтъ! Не хочу, не перейду за грань!
Я не сниму съ чудовища нагого
Прозрачную, но прячущую ткань!

И въ даль мечты невѣрной и прекрасной
Я отъ тебя уйду съ живой душой,
Какъ мореходъ уходитъ въ путь опасный
Въ надеждѣ вновь увидѣть край родной!

* * *

Вернись ко мнѣ, обиды вырви жало
И прошлымъ не терзай безцѣльно грудь!
Врачуя раны, время пробѣжало,
И сердце вновь живетъ... Вернись! Забуди!

Прошедшимъ жить нельзя, оно истлѣло,
Но то, что пѣло въ сердца глубинѣ,
Я знаю, чувствую, — оно въ насъ цѣло,
Оно зоветъ, поетъ... Вернись ко мнѣ!...

* * *

Предъ тѣмъ, какъ выйти изъ пустыни
Въ обѣтованный край иной, —
У ногъ таинственной святыни
Пророкъ поставилъ посохъ свой.

На утро силой животворной
Былъ къ жизни посохъ возрожденъ,
И, волѣ творческой покорный,
Цвѣтами весь покрылся онъ.

Такъ я, въ концѣ пути мірскаго,
Засохшимъ сердцемъ ощутилъ
Призывъ несказаннаго слова,
Порывъ твоихъ живящихъ силъ.

Блеснувъ животворящей гранью,
Твой свѣтъ приносить мнѣ тепло,
И сердце, жизни вянувъ дыханью,
Любовью чистой расцвѣло.

НОЧЬЮ...

I.

Темною ночью въ молчаньи угрюмомъ
Стрѣлки лишь слышится бѣгъ торопливый...
Нѣтъ! Не угнаться за временемъ думаемъ!
Слышишь?... Скорѣе! Скорѣй!...
Сонъ моей юности, крѣпкій, счастливый,
Бурно навѣянный жизненнымъ шумомъ,
Сталь у порога, не можетъ, лѣнивый,
Самъ подойти отъ дверей...

Время бѣжитъ торопливо куда-то,
Время боится, что я не поспѣю
Въ царство, откуда не будетъ возврата
Къ пѣснямъ земли и морей...
Время, не бойся! Я знаю, я смѣю,
Смерти я жду, какъ природа — заката...
Время! Я жизнью повѣнчанъ былъ съ нею!...
Слышишь?... Скорѣе! Скорѣй!...

II.

Не спитесь... Съ улыбкой противною дни
Глядятъ и живутъ по ночамъ,
Нѣтъ отдыха сердцу, усталымъ очамъ...
Не думай, не слушай... засни!

О сердце! Всегда мы съ тобою одни,
И днемъ, и въ полночную тьму...
Я боли твоей не хочу, не пойму...
Забудь, успокойся... засни!

Послѣднею вспышкой блеснули огни,
Послѣднею ложью людской...
О сердце! Зачѣмъ ты ей внемлешь съ тоской?
Не вѣрь, не волнуйся... засни!

III.

Въ тиши ночныхъ тяжелыхъ бдѣній
Дрожащей, какъ струна, душой
Среди слетѣвшихся видѣній
Я вижу часто образъ твой.

Забывъ обманъ твоихъ лобзаній,
Твоихъ пьянящихъ нѣжныхъ словъ,
За гранью жизненныхъ терзаній
Живу росой нездѣшнихъ сновъ.

Я — твой! Порывомъ напряженнымъ
Мой духъ сливается съ твоимъ,
Я слышу сердцемъ просвѣтленнымъ:
Какъ я люблю, такъ я любимъ!

Люблю тебя, мое видѣнье,
Души намучившейся бредъ,
Обманъ, рожденный блѣдной тѣнью
Любви, какой на свѣтѣ нѣтъ!...

IV.

Слышится чье-то дыханье во тьмѣ...
Что это?... Шорохъ, шаги...
Рѣзко въ глазахъ промелькнули круги...
Жутко, какъ въ душной тюрьмѣ...

Кто-то подходитъ... склонился ко мнѣ...
Ты это? Призракъ-ли твой?
Кто къ изголовью припалъ головой,
Плачетъ въ ночной тишинѣ?

Ты или призракъ, — зачѣмъ мы вдвоемъ,
Тѣни промчавшихся встрѣчъ?
Легъ между нами раскаянья мечъ,
Смотрить двойнымъ лезвеемъ...

Что-то тяжелое бродитъ въ умѣ,
Камнемъ ложится на грудь,
Хочеть, зоветъ, но не можетъ вернуть
То, что исчезло во тьмѣ...

V.

Не чувствую ни ревности, ни боли,
Измѣны жду, какъ день заката ждать,
Какъ ждать актеръ конца привычной роли...
Гдѣ занавѣсъ?... Теперь его чередъ!...

Ты говорила правду мнѣ такъ честно,
Такъ прямо, такъ умно — и не вполнѣ,
Что мнѣ извѣстно все — и неизвѣстно...
Я чашу пью — и знаю, что на днѣ!

Пробила полночь... Вѣчность бьетъ по жизни,
По сердцу, по душѣ... и все замретъ...
Мы — гости на своей-же скучной тризнѣ!
По трупамъ время движется впередъ!...

ДВА НОКТИОРНА

I.

Ложится дымкою туманной
Холодный, блѣдный свѣтъ луны
На ропоть жизни неустанной,
На жуткѣй шопоть тишины.

Нагнулась ночь и молчаливо
Ведетъ куда-то за собой,
Гдѣ все, что умираетъ, живо
И слышенъ вѣчности прибой.

Въ пространства безконечномъ морѣ
Волнами плещутъ времена,
Но Воля Силь въ ихъ смутномъ хорѣ
Для слуха смертнаго темна.

И съ чувствомъ жалкаго безсилья
Стремится духъ оттуда прочь,
Гдѣ расправляетъ вѣчность крылья,
Какъ надъ землей заснувшей ночь.

II.

Придя домой, я свѣта не зажегъ...
По временамъ вздыхала ночь нѣмая,
И садъ, вѣтвями темными кивая,
Манилъ въ прохладный мракъ своихъ дорогъ.

И тихій зовъ ночной на сердце легъ
Волнующей мечтой иного края,
Въ душѣ вилась порывовъ нить живая,
Но я въ словахъ ихъ выразить не могъ.

Я слышалъ все, что день укрылъ отъ слуха,
Стучало сердце радостно и глухо,
Навстрѣчу недоступному спѣша,

И ночь завѣсу приподнять хотѣла
Надъ дальнимъ царствомъ, гдѣ воспрянетъ смѣло
Все то, что смутно чувствуетъ душа!...

Давно пробила полночь... спать мой домь...
Усталымъ взоромъ обвожу предметы,
Такъ много лѣтъ стоящіе кругомъ,
Ищу на нихъ минувшаго помѣты
И словно жду, что будутъ мнѣ отвѣты
На все, что въ сердцѣ я храню своемъ.

Они не мертвые, они глядятъ...
Я знаю ихъ улыбки, вижу лица,
Я понимаю сердцемъ каждый взглядъ —
Вѣдь въ каждомъ есть души моей частица!...
И весь я счастливъ былъ-бы съ вами слиться,
О вы, друзей моихъ безмолвный рядъ!...

Друзья мои... На свѣтѣ нѣтъ друзей!
Вы, мертвые, и вы, друзья живые,
Я въ дружбу васъ одѣлъ мечтой своей,
Вложилъ свои порывы молодые,
Но не отвѣтятъ мнѣ сердца чужія,
И все молчитъ въ кругу ночныхъ тѣней!...

* * *

Ночью сидѣлъ я за старою книжкой,
Съ дѣтства не читанной, полу-забытой...
Кто-то у двери прощелкнулъ задвижкой,
Тихо прошелъ черезъ домъ мой закрытый,
Я оглянулся — въ дверяхъ недвижимый,
Съ прежней улыбкой душевной, родною,
Другъ мой, такъ рано погибшій, любимый,
Другъ мой ожившій стоялъ предо мною.
Я поздоровался съ нимъ безъ испуга,
Словно вчера лишь разставшись предъ встрѣчей,
Рады мы были увидѣть другъ друга —
Я и мой другъ, издалека пришедшій.
Мысли спѣша побѣждали нестройно,
Быстро вопросы въ умѣ я намѣтилъ,
Онъ угадалъ и отвѣтилъ спокойно,
Голосомъ тихимъ и ровнымъ отвѣтилъ:
«Къ царству молчанья, къ загробному краю
На-глухо жизнью закрыта граница,
Здѣсь ничего я не помню, не знаю,
Здѣсь я, какъ въ клѣткѣ рожденная птица:

Все, что за клѣткою, тайна и чудо,
Дали загадкой встають передъ нею...
Здѣсь я слѣпой, какъ и ты, — а отсюда
Вѣсти тебѣ я подать не умѣю».
Тихо ушелъ онъ въ молчаньи глубокомъ
Ночи печальной, томительно-длинной...
Прошлые дни немигающимъ окомъ
Въ душу глядѣли изъ книжки старинной...

Въ игрѣ непрошенной, неравной,
Намъ всѣмъ навязанной судьбой,
Я жду конца, какъ рабъ безправный,
Чтобъ заплатить за все собой.

За ласку солнца, за дыханье,
За то, что вѣрю и хочу,
За страсти крикъ и за молчанье
Я заплатилъ иль заплачу.

Пускай! Плачу за все съ улыбкой,
Какъ много видѣвшій игрокъ, —
И вспышекъ счастья — хоть ошибкой! —
Ищу среди жизни бѣглыхъ строкъ.

Быть можетъ, въ горькій часъ расплаты,
Какъ нищій, я сочту гроши,
И счастья пестрыя заплаты
Прикроютъ рубище души!

* * *

Напѣвъ, давно забытый мною,
Проснулся вдругъ въ душѣ моей,
И тихой, нѣжною тоскою
Повѣялъ призракъ юныхъ дней.

На сердцѣ таетъ ледъ наносный,
Согрѣтъ ласкающимъ тепломъ...
Кто возвратитъ мнѣ эти весны?
Иль, можетъ быть, я весь въ быломъ?

Стегнѣло небо, звѣздъ не видно,
Послѣдній близится порогъ...
Заплакать было бѣ мнѣ не стыдно,
Когда бѣ еще я плакать могъ!

Сквозь даль померкнувшихъ годовъ,
Сквозь привидѣній строй,
Я слышу снова голосъ твой
И звукъ забытыхъ словъ.
Я вижу свѣтъ твоихъ очей,
Движенья рукъ твоихъ, —
И снова я живу для нихъ
Во тьмѣ моихъ ночей!
Я ими жилъ, стремился въ высь —
И пересталъ, какъ ты:
Когда обсыпались цвѣты,
Смѣясь мы разошлись...
Люблю въ тебѣ свою зарю,
Расцвѣтъ дремавшихъ силъ!
За то, что я страдалъ и жилъ,
Тебя благодарю,
За жизни радостный прибой,
За ласку свѣтлыхъ сновъ, —
Сквозь даль померкнувшихъ годовъ,
Сквозь привидѣній строй...

* * *

Съ тяжелымъ сердцемъ, съ виѣшне равнодушнымъ
взоромъ

Иду впередъ, какъ старый, опытный боець.
Я побѣдилъ. Но рокъ отвѣтилъ приговоромъ:
«И побѣжденнымъ, и тебѣ — одинъ конецъ!»

Я бился съ юныхъ лѣтъ для дѣла, для потѣхи,
Мой духъ былъ твердъ, а кровь была такъ горяча...
Со мной ерослись такъ крѣпко ратные дослѣхи,
Что только смерть ихъ сниметь съ моего плеча.

Чтобъ отдохнуть, чтобъ стать другимъ, я далъ бы
много,

Но мнѣ отъ жизни, какъ и всѣмъ, одинъ отвѣтъ:
«Въ тебѣ самомъ, съ тобой самимъ твоя дорога,
Какимъ ты родился, такимъ покинешь свѣтъ».

Иду впередъ! И, знаю, если бь, мной играя,
Судьба меня инымъ вернула къ жизни вновь,
Ты мимо бы прошла, меня не узнавая,
Моя послѣдняя и первая любовь!

* * *

Осенній вечеръ... Тишина...
Огнемъ задумчивымъ камина
Стѣна чуть-чуть освѣщена,
Какъ потускнѣвшая картина...
Неясной, нѣжной грусти тѣнь
Проходитъ въ сердцѣ жутью сладкой,
И счастья мигъ святая лѣнь
У жизни въ долгъ беретъ украдкой...
То вспыхнетъ пламя, то замретъ,
И время ровною волною
Само не движется впередъ,
Въ тиши задумавшись со мною...

* * *

Въ душѣ остывшей потускнѣлъ
Порывъ слѣпительныхъ мгновений,
Казалось, вѣчныхъ чувствъ и дѣлъ,
Неизгладимыхъ впечатлѣній,
Какъ сны, сливаются въ дали
Картины, жившія со мною,
И тѣни сѣрья легли
На сердце мутной пеленою...
Пустьякъ, ничто встають подчасъ,
Горять стекла пустого грани,
Но голосъ дорогой угасть,
Черты любимыя въ туманѣ,
И былъ минувшая темна...
Въ умѣ моемъ оледенѣломъ
Завѣтныхъ мыслей письма
Нанесены непрочнымъ мѣломъ...
Слѣды восторговъ и тоски,
Былой любви, былой свободы
Стирають съ аспидной доски
Рукой небрежно-злою годы...

* * *

Впивая подземныхъ источниковъ рядъ
И талаго снѣга весною притоки,
Пронесется воды, быстры и глубоки,
Полями, лѣсами, до каменныхъ грядъ;
Свергаются, громко шумя, водопадомъ
И въ вольной, бездѣльной, прекрасной игрѣ
Бушуютъ клокочущимъ, брызжущимъ адомъ
И радугой блещутъ о свѣтлой порѣ.
Но люди пришли и воздвигли плотины,
Одѣли гранитомъ вокругъ берега,
Поставили трубы, колеса, машины,
Связали безпутную волю врага,
И, другъ подневольный, даетъ онъ имъ гдѣ-то
Чудесную силу движенья и свѣта...
Такъ ты, безпокойный мой братъ, человѣкъ!
На духъ твой, исполненный воли и смуты,
Наложены жизнью желѣзные пути,
И мощи твоей преуказанный бѣгъ

Согрѣть, освѣтить и двинетъ кого-то,
И долженъ быть счастливъ ты чувствомъ однимъ,
Что гдѣ-то твоя пригодилась работа —
Оковы тебѣ, наслажденье другимъ!
Плотинъ не ломай и въ тоскѣ безполезной
Къ прекрасной, безплодной свободѣ не рвись,
Душой не пари въ недоступную высь
И бейся размѣренно въ клѣткѣ желѣзной!...

* * *

Полетъ и трепеть ожиданій,
Тревожной страсти жуткїй пылъ,
И свѣтъ, и мракъ, огонь свиданій —
Я помню все, я не забылъ!

Жестокой памяти послушна,
Встаетъ минувшихъ дней череда,
Но бьется сердце равнодушно,
Оно забыло навсегда.

Я, какъ читатель, взявшій въ руки
Разказъ знакомый, но чужой...
Чужія радости и муки...
Все это было не со мной!

Пусть шепчетъ разумъ мнѣ упреки,
Имъ власть надъ сердцемъ не дана,
И снова грустно блекнуть строки —
Ненужной жизни письма!

Закатъ ложится блѣднымъ свѣтомъ
На почернѣвшія поля,
И ночь на день встаетъ отвѣтомъ,
И замираетъ въ снѣ земля.

Твой взглядъ, и нѣжный, и пытливый,
Я въ полумракѣ уловилъ.
Кому онъ былъ? Кто тотъ — счастливый?
Чей будетъ кладъ дремавшихъ силъ?

Какъ я хотѣлъ-бы вѣрить снова!
Но взглядъ, упавшій на меня,
Не для меня, а для другого,
Кого ты встрѣтишь въ свѣтѣ дня.

Меня теперь ведутъ ступени
Туда, гдѣ свѣтлыхъ нѣтъ огней!...
Блуждаютъ дней минувшихъ тѣни
Въ усталой памяти моей...

Ты вѣрила словамъ, горячимъ взглядамъ,
Ты душу отдала бы за него —
И видишь вдругъ, что подъ любви нарядомъ
Капризь, пустое мѣсто, ничего...
Письма прощальнаго сухія строки —
Послѣдняя глава твоей любви!
Ты жизни трезвой жесткіе уроки
Теперь всегда въ совѣтники зови!
Не всякимъ клятвамъ вѣрь иль, даже лучше,
Не вѣрь совѣмъ — и только дѣлай видъ:
На свѣтѣ все — увы! — подобно тучѣ —
Она прольется, стаетъ, улетитъ...
Обиды не таи въ душѣ бесплодно,
Бери весь міръ, какимъ онъ есть и былъ...
Сковать возможно мысли, но свободно,
Какъ вѣтеръ, чувство — парусъ нашихъ силъ!...

* * *

Стучится тихо Смерть въ окно:
«Ты ждешь меня къ себѣ давно,
Но, соблюдая череду,
Сегодня мимо я пройду,
Пройду безшумно и легко,
Я буду близко, далеко,
Среди слѣпыхъ и вѣчныхъ силъ
У свѣже-вырытыхъ могилъ»...
Звѣринымъ ужасомъ объять,
Не смѣлъ я встрѣтить грозный взглядъ,
И мыслей спутанныхъ потокъ
Крутясь во мглу меня повлекъ
Во слѣдъ Ея манящихъ словъ,
Но, волей слабость поборовъ,
Я поднялъ взоръ дрожащій свой —
И Жизнь увидѣлъ предъ собой.

* * *

Среди тревоги повседневной
Мірскихъ исканій и заботъ
Подчасъ я слышу голосъ гнѣвный —
Онъ укоризной сердце жжетъ,
Зоветь отъ всѣхъ уйти куда-то,
Порвать обычныхъ связей нить,
Во что-то вѣрить слѣпо, свято,
И чѣмъ-то новымъ, вольнымъ жить.
На малодушье негодуя,
Онъ говоритъ: свободенъ будь!
Но тщетно указанья жду я,
Какой и въ чемъ къ свободѣ путь?
Свобода есть ли внѣ могилы?
А смерть — ничто тому, кто живъ,
Чей духъ, свои извѣдавъ силы,
Повѣрилъ въ собственный порывъ...
Нѣтъ, мнѣ искать свободы рано —
Я весь въ отравѣ бытія,
И сладкой горечью обмана,
Какъ цѣпью, связанъ съ жизнью я!...

* * *

Я знаю день и ночь, моря и твердь,
Далекія безстрастныя созвѣзды,
Я знаю, что едины жизнь и смерть,
Что грѣхъ всегда несетъ въ себѣ возмездье,
Я знаю, что, паря душой, какъ богъ,
Я волею подобенъ только звѣрю, —
О, если бъ знать любовь я такъ же могъ!
Но я любви не знаю, я ей вѣрю...
Я вѣрю въ то, чего мнѣ знать нельзя,
Что мучить сердце страстною догадкой, —
И, надъ невѣдомымъ душой скользя,
Я вѣрю лжи загадочной и сладкой!
И тамъ, гдѣ грань велѣніямъ ума,
Гдѣ мѣры нѣтъ и вѣхъ для пониманья,
Тамъ покрываетъ теплой вѣры тьма
Холодный, жесткій свѣтъ сухого знанья...

* * *

Въ душѣ — потухшіе огни,
Кругомъ — обманъ и мгла...
Съ довѣрьемъ руку протяни!
Быть можетъ, насъ игра свела,
Но мы въ толпѣ — одни...

Вдвоемъ не страшно темноты
И уходящихъ дней!
Тоскѣ сердечной пустоты —
Не выдамъ я души твоей, —
Не выдавай и ты!

Не надо масокъ и прикрасъ,
Мы все въ себѣ найдемъ,
Намъ будетъ дорогъ каждый часъ,
Когда мы будемъ знать вдвоемъ,
Что жизнь и счастье — въ насъ.

* * *

Я ночью слышалъ крикъ совы,
Прозрачный, чистый, какъ кристалъ,
Я видѣлъ, какъ сквозь свѣтлый мракъ
Ко мнѣ дрожа тянулась тѣнь,
Какъ на поверхности травы
Безшумно призракъ чей-то сталъ,
И безнадежно, молча звалъ
Къ себѣ на помощь день.

Я зналъ, что долженъ я помочь,
Но крикнуть, двинуться не могъ,
Я подыскать хотѣлъ призывъ,
Но въ звуки не слагался онъ,
И въ сердцѣ, замершемъ, какъ ночь,
Я свѣта жизни не зажегъ,
И призракъ сталъ блѣднѣть, прилегъ,
Исчезъ, какъ смутный сонъ.

Je chante un chant en mélancoliant...

MATTEO DE SANCTO JOHANNO.

I.

День бѣжить, и мчится часъ,
Мигъ — и странный свѣтъ погасъ,
Непонятный, безначальный,
Жизнью смерть одѣвшій въ насъ.

Какъ звенить сосудъ хрустальный,
Такъ, дрожа, нашъ духъ опальный
Отвѣчалъ мольбой не разъ
На призывъ нѣмой и дальный.

Но въ туманѣ слѣпнетъ глазъ,
Смерть читаетъ свой наказъ
Равнодушный и прощальный...
День бѣжить, и мчится часъ.

II.

Ночь и звѣздна, и темна,
Ночь скользятъ на крыльяхъ сна
Подъ опущеннымъ забраломъ
Жутко шепчетъ тишина.

Мысль о жданномъ, небываломъ,
Пролетитъ въ умѣ усталомъ,
И, раскаянья полна,
Память колетъ острымъ жаломъ.

Но спокойна, холодна,
Смерть ужъ тянется со дна,
Вѣтъ вѣчнымъ опахаломъ...
Ночь и звѣздна, и темна.

* * *

Два вѣтра спорять въ вышинѣ.
Одинъ толпой наводитъ тучи,
А предъ другимъ бѣгутъ онѣ,
И весель въ небѣ бой могучій.

Когда же, буйство утоля,
Они умчатся безъ оглядки,
Вздохнетъ свободная земля,
Нѣмая жертва дикой схватки.

Но въ бѣгѣ медленномъ время
Безильны даже ураганы:
Живетъ земля! Ея законъ —
Лечить рожденьемъ смерть и раны.

Она не смотритъ въ даль вѣковъ,
Знакома ей одна дорога,
И даже въ сумерки боговъ
Отречься ей нельзя отъ Бога.

Палящимъ жесткимъ свѣтомъ дня
Земля напоена...
Гдѣ мечъ и вѣрная броня?
Всей жизни кличь: война!

Чтобъ жить, иди на смертный бой
И все кругомъ топчи...
Иди! не думай надъ судьбой:
Мы, люди, — палачи!

Рукой недрогнущей бери
Добычу у врага!
Дождешься-ль ты другой зари?
Минута дорога...

Идемъ! Дороги такъ тѣсны,
Работа есть мечамъ...
Не все-ль равно, какіе сны
Намъ снятся по ночамъ?...

* * *

Скоро-ли день?... Предъ глазами закрытыми
Взглядомъ ожившимъ, словами забытыми
Нѣжно смѣется минувшаго тѣнь,
Плачетъ слезами, когда-то пролитыми...
Скоро-ли день?...

Скоро-ли ночь?... Въ суетѣ оскорбительной
Шествуетъ день и стопою медлительной
Топчетъ и гонитъ все лучшее прочь,
Дышитъ бессмысленной злобой губительной...
Скоро-ли ночь?...

Скоро-ль конецъ?... Подъ шумящими ивами,
Степью зеленой и свѣтлыми нивами
Сердце не дрогнетъ на встрѣчу сердець,
Смерть успокоить устами правдивыми...
Скоро-ль конецъ?...

ВЧЕРА

Она сказала мнѣ: вчера
Весь день ждала я нашей встрѣчи...
Такъ ночью ждать цвѣтокъ утра,
Въ дыханьи теплыхъ сновъ расцвѣтшій.

Вчера тобой жила я, другъ,
Душой сплетаясь во едино...
Такъ вьется цѣпкій плющъ вокругъ
Лѣсного друга — исполина.

Вчера... нѣтъ, не вчера... Когда?
Не помню больше... День вчерашній
Растаялъ тихо, безъ слѣда,
Какъ утромъ паръ надъ свѣжей пашней.

Вчера... или никогда... давно...
Вчера — сто лѣтъ, тысячелѣтье!
Оно ушло туда, на дно,
Покрыто мглы густою сѣтью.

А завтра?... Темень впереди
И воля тайная Господня!...
Какъ ты пришелъ, такъ и уйди:
Я не люблю тебя сегодня.

НА ПЕРЕПУТЫИ

На перепутыи, въ часъ лукавый,
Когда, пугая и маня,
Полны рѣшенія отравой,
Кто броситъ жребій за меня?

Кто воли скрытымъ приговоромъ
Послѣдній сдѣлаетъ подсчетъ
И, глядя въ даль недвижнымъ взоромъ,
Меня, какъ жертву, поведетъ?

Не видитъ умъ въ сомнѣнны шаткомъ, —
А, можетъ быть, уже давно
Во мнѣ насталъ конецъ загадкамъ
И то, что будетъ, рѣшено?

Куда мой путь далекій ляжетъ
При первомъ блѣдномъ свѣтѣ дня?
Кто силы темныя развяжетъ?
Кто вынетъ жребій для меня?

* * *

Въ такой же ясный, теплый день, въ такой же легкой
часть,
Закрывъ усталые глаза, нашъ другъ ушелъ отъ насъ.
Казалось, улыбался онъ неслышнымъ голосамъ,
Встрѣчавшимъ свѣтомъ свѣтлый духъ далеко гдѣ-то
тамъ.
Ушелъ въ далекій близкій путь, и каждый изъ друзей
Завѣтный образъ сохранилъ, какъ кладъ, въ душѣ
своей.
Но каждый видѣлъ образъ свой, и лживою рукой
Мѣняло время въ немъ черты, и въ каждомъ жилъ
другой.
Незримый, Вѣчный, защити, исправь, помилуй насъ
И въ этотъ ясный, теплый день, и въ этотъ легкой
часть!

* * *

Еще одинъ угрюмый, сѣрый день!
Вставай, личину нужную надѣнь
И бодро принимайся за работу,
Какъ волкъ, идущій лѣсомъ на охоту,
Хитри, ласкай, сердито зубы скаль
И помни — кто слабѣй, того не жаль!
Вертись въ житейскомъ колесѣ, какъ бѣлка,
Считай спокойно, сухо, чувствуя мелко, —
И такъ вездѣ, всегда! Такъ день за днемъ!...
Но иногда чарующимъ огнемъ
Тебя зажгутъ другія настроеня,
Твоя душа, какъ птицъ свободныхъ пѣнье,
Въ созвучьи полетитъ съ другой душой,
И мѣръ иной, прекрасный и большой,
Вдругъ вспыхнетъ въ сердцѣ лаской свѣтлой, пѣжной,
Иль страстью и глубокой, и мятежной...
Не бойся, жадно свой порывъ лови
И каждый мигъ такой благослови,
И знай, что родился ты не напрасно,
Что стоитъ жить, что жизнь твоя прекрасна...

НЕЗНАКОМКЪ

Ты улыбнулась мнѣ глазами,
Съ толпой смѣшалась и ушла...
Кто ты?... Зачѣмъ прошло межъ нами
Дыханье вешняго тепла?
Твою невольную ошибку
Прикрыла радуга мечты,
И я вложилъ въ твою улыбку
Все то, чѣмъ быть могла бы ты!
Какъ блескъ зарницы отдаленной,
Мнѣ въ сердце спавшее проникъ —
И вновь исчезъ едва рожденный,
Но полный свѣта острый мигъ,
И горечь жизни, ядъ познанья
Не лягутъ мутной пеленой
На бѣглый лучъ воспоминанья...
Прощай! Я счастливъ былъ тобой!...

* * *

Поросшій мхомъ гранитъ — алтарь...
Предъ нимъ горячія моленья
Возноситъ Духу Силь дикарь,
Исполненъ свѣтлаго волненья.
Стремленій смутныхъ красота
Зоветь къ какимъ-то совершенствамъ,
И вѣра — какъ хрусталь чиста —
Горитъ въ душѣ его блаженствомъ...
И если въ небѣ есть Творецъ,
Чьей лаской вся земля согрѣта,
Начало жизни и конецъ,
Источникъ истины и свѣта,
Отецъ всѣхъ слабыхъ и живыхъ,
Изъ мрачныхъ водъ воздвигшій сушу, —
Онъ приметъ въ сонмы душъ святыхъ
Его безхитростную душу!...

* * *

Когда Спаситель нашъ, молясь за мѣръ грѣховный,
Былъ истиной предвѣчной просвѣтленъ,
То Господа Любви и Благости духовной
По Своему подобью создалъ Онъ.

Но зналъ Онъ, что со зломъ немислимо боренье,
Пока нашъ духъ не скинетъ плоть свою, —
И здѣсь Онъ, на землѣ, намъ завѣщаль смиренье,
Блаженство обѣщавъ затѣмъ въ раю.

Скорбя за насъ душой, Онъ далъ земнымъ тревогамъ
Надежды лучъ изъ сердца глубины...
Онъ зналъ, что въ небесахъ мы всѣ равны предъ
Богомъ,
Но на землѣ лишь смертью сравнены.

ЧАСЫ

Часы, какъ живые, размѣреннымъ ходомъ
Свершаютъ положенный мастеромъ кругъ,
Снабдилъ онъ ихъ прочнымъ и хитрымъ заводомъ,
Пружина сильна, механизмъ ихъ упругъ,
Скользящему времени счетъ отбивая,
Какъ будто-бы смерть указуютъ ему —
Былъ мигъ и скончался! А стрѣлка живая
Ввергаетъ ужъ новый въ забвенія тьму.
Часы, какъ живые... Но время бездушно,
Но время — и холодъ могильный, и мракъ:
Не жизни, а смерти живое послушно,
И вѣчность — владыка живого — нашъ врагъ!
Часы, какъ живые... Но ржавѣютъ звеня,
Ослабла пружина, отходить заводъ...
О, мастеръ, гдѣ ловкость твоя и умѣнье?
Къ чему эти годы трудовъ и заботъ?
Отвѣта не будетъ...

* * *

Не малъ тобой пройденный путь,
Твой крѣпокъ духъ и бодро тѣло, —
Не вадумай лишь назадъ взглянуть:
Тебѣ, какъ камень, сдавить грудь
Все, что хоть часъ тобой владѣло!...
Гдѣ тотъ, кто другомъ былъ твоимъ,
И кто любилъ иль былъ любимъ?...
Все развалилось, улетѣло...

Вотъ въ сплавѣ золото... ему
Укажетъ быстро цѣну проба.
Но кто раскроетъ сердца тьму?
Ты бросилъ друга — почему?
Кто виновать? Быть можетъ, оба?
Иль вдругъ, съ собой наединѣ,
Ты скажешь: «По моей винѣ!»...
Людской удѣлъ! Людская злоба!...

Ты въ сердцѣ вдругъ увидишь адъ
Тобою движущихъ хотѣній...

Нѣтъ! Лучше не гляди назадъ!
Ты бодръ и крѣпокъ, — будь же радъ,
Что не боишься привидѣній,
Что чувствъ игрой не ослѣпленъ,
Что ты живешь, что ты силенъ,
И что не знаешь сожалѣній!...

ДРУГУ

Послушень сердца скорбнаго велѣньямъ,
Къ тебѣ, мой старый другъ, пришелъ я вновь,
Чтобъ внять тебѣ съ обычнымъ умиленьемъ,
Чтобъ миръ внести въ пылающую кровь!
И голосъ твой, и свѣтлый, и печальный,
Несетъ мнѣ съ тихой ласкою совѣтъ
Отъ сердца чистаго, души зеркальной, —
Мой другъ, въ могилѣ спящій триста лѣтъ!
И, какъ всегда, ты правъ... Чернѣютъ строки,
Но въ нихъ горитъ алмазъ — твой ясный духъ...
Въ немъ жизнь и смерть сплели свои уроки,
Слѣпецъ прозрѣлъ, и слышитъ тотъ, кто глухъ...
Мой другъ, когда-бъ ты жилъ теперь со мною,
Какъ безконечно счастливъ былъ-бы я,
Какою полной, радостной волною
Текла-бы жизнь ожившая моя!
Съ тобой всегда, во всемъ я шелъ-бы рядомъ...
Но грустно ты качаешь головой...

Быть можетъ, женщина единымъ взглядомъ
Тебя смѣясь поссорила-бъ со мной?
Иль какъ-нибудь непснятое слово?
Не во-время улыбка иль намекъ?
Для смертныхъ въ жизни мало есть святого...
И былъ-бы ты такъ близокъ — и далекъ!...
Съ тобой мы разошлись-бы недостойно,
Свершая одиноко тяжкій кругъ...
Мой другъ, давно ислѣвшій, — спи спокойно,
Мой вѣрный и единственный мой другъ!...

* * *

Два міра столкнулись въ пространствѣ небесномъ,
Зажглись отъ объятія, и новое тѣло
Надолго помчалось шаромъ раскаленнымъ
Куда-то впередъ, по путямъ неизвѣстнымъ,
Сіяющей точкой землѣ заблестѣло,
Отмѣчено глазомъ людей изумленнымъ —
И скоро забыто толпой безразличной...
Прибавилась новая звѣздочка въ небѣ,
Хотя бы цѣной разрушенья, хаоса, —
Не это насъ сдвинетъ съ дороги обычной:
Мы думать должны о себѣ и о хлѣбѣ,
Не дѣлать изъ звѣздочки каждой вопроса!
Мы въ звѣздные впишемъ ее каталоги, —
Какъ въ книги заносимъ и нашихъ поэтовъ,
Великихъ мыслителей, вѣщихъ пророковъ, —
И лучше поищемъ средь торной дороги
Практичныхъ рѣшеній и дѣльныхъ отвѣтовъ
Запросамъ текущихъ страстей и пороковъ.

AVE...

Потомокъ дальній мой, прими отъ предка —
Отъ блѣдной тѣни прошлаго — привѣтъ!
Не смѣйся! Мнѣ такъ тяжело, мѣръ мой — клѣтка,
Я знать хотѣлъ-бы, виденъ-ли просвѣтъ...
Скажи, дождался-ль ты земного рая,
Иль, какъ и мы, ты жалою, бѣденъ, слабъ,
Рождаясь въ мукахъ, въ страхѣ умирая,
Нагой, голодный царь и вѣчный рабъ?
Ты можешь-ли повѣрить безъ опаски
Тому, кто ищетъ дружбы и любви,
Иль, какъ и прежде, ядъ во всякой ласкѣ,
И тонетъ мѣръ въ измѣнѣ и крови?
Быть можетъ, сшивъ себѣ другое платье,
Надѣвъ вѣнокъ, ты сталъ инымъ теперь,
И на землѣ счастливой люди — братья,
А ты — не хищный, безпощадный звѣрь?
Ужель, какъ я, ты движимъ всякой страстью
И маской словъ скрываешь ужасъ дѣла?
Что новаго ты далъ земному счастью?
Казалось мнѣ, ты богомъ стать хотѣлъ?

Смѣешься ты?... Прощай! Судьбой слѣпою
Я брошенъ въ темноту изъ темноты...
Я радъ, что миѣ не встрѣтиться съ тобою!...
Я только прахъ — и прахомъ станешь ты!...

ПЕРЕДЪ СФИНКСОМЪ

Въ улыбкѣ сфинкса, тонкой и холодной,
Смѣялся мастеръ опытнымъ рѣзцомъ
Надъ нашей мыслью, гордой и свободной,
И нашимъ жалкимъ, какъ весь міръ, концомъ.

Подобье жизни въ камень равнодушный
Онъ врѣзалъ смѣло твердою рукой,
И до сихъ поръ, среди пустыни душной,
Смѣется мертвый камень, какъ живой.

Онъ весь — обманъ!... Игрой воображенья
Ты цѣлый міръ готовъ вложить въ него
И робко вѣщей мысли ждать движенья...
Обманъ!... и въ мертвомъ камнѣ все мертво!

Безсиленъ взлетъ надежды вдохновенной,
Тебя безстрастно ждетъ нашъ общій путь,
Какъ ждалъ того, кто въ мысли сокровенной
Мечталъ хоть камнемъ вѣчность обмануть!

МОЛОДАЯ КОЛДУНЯ

Полночь скоро... Тамъ веселье,
Тамъ опять они вдвоемъ!...
Ты варись такъ крѣпко, зелье,
Какъ крѣпка тоска по немъ!

Чтобъ имѣть его всецѣло,
Душу дамъ я Сатагѣ,
А захочетъ — дамъ и тѣло, —
Лишь бы онъ достался мнѣ!

И не страшно мнѣ похмѣлье
Послѣ страсти пьяныхъ чаръ, —
Ты гори такъ жгуче, зелье,
Какъ горитъ въ душѣ пожаръ!

Хоть она меня и краше,
Буду я ему милѣй, —
Я варю въ заклѣтой чашѣ
Травы проклятыхъ полей.

И надъ брачною постелью
Пусть самъ адъ раскроетъ пасть, —
Ты сжигай такъ сладко, велье,
Какъ сжигаетъ сердце страсть!

ЛѢСНАЯ ФАНТАЗІЯ

«Колдунья, тайными тропами,
Какъ воръ, прокрался я въ твой лѣсъ...
Скажи, ты властна-ль надъ сердцами?
Въ любви возможно-ль ждать чудесъ?»

Молю тебя... Но отчего-же
Ты молода и хороша?
И на нее зачѣмъ похожа?...
Молю — измучилась душа!

О, неужель дорога къ раю
Лежить для смертныхъ черезъ адъ?
Надежды нѣтъ — и я сгораю,
Но не могу уйти назадъ,

Люблю — и умереть не смѣю,
Люблю — и жить я не могу!
Стою прикованный предъ нею,
Какъ въ заколдованномъ кругу...

Къ чему мнѣ молодость и сила?
Куда направить мнѣ шаги? —
Колдунья, если ты любила,
Спаси меня и помоги!»

— «Ручьи въ потокъ слились весною
И мчатся въ дальніе края,
Гонимы силою слѣпою...
Тебѣ помочь готова я!

Когда мелькнетъ звѣзда къ востоку,
И мѣсяцъ свой покажетъ рогъ,
Поди и стань неподалеку
На перекресткѣ трехъ дорогъ,

Три раза кругъ для заклинанья
Рукою смѣло обведи,
Затѣмъ всей силою желанья
Семь разъ зови ее: «Приди!»

И трижды семь считая мѣрно,
Вглядись въ дрожащій мракъ ночной...
Она придетъ, придетъ навѣрно
И тихо станетъ предъ тобой!

Тогда и сердцемъ, и устами
Скажи ей: «Кто изъ насъ сильнѣй?
Огонь любви живетъ мечтами,
Я твой, и будешь ты моей!»

Какъ тѣнь невѣрная блѣднѣя,
Она уйдетъ опять во тьму,
А ты ко мнѣ иди скорѣе,
Я чары съ глазъ твоихъ сниму,

Я дамъ тебѣ любви напитокъ,
Я знаю, какъ тебѣ помочь,
Ты развернешь побѣды свитокъ,
Ты будешь счастливъ въ эту ночь,

И ты поймешь, что сладость рая
И горечь ада — все въ тебѣ,
И, сердце мигу открывая,
Ты станешь равнымъ самъ судьбѣ!»...

ЦЫГАНКА

Я гадаю, я колдую,
Эй, красотки, подходи!
Кровь потѣшите молодую,
Сердце пылкое въ груди!

По глазамъ скажу, что было,
По рукамъ прочту судьбу,
Все, что мило, что немило,
Горе, счастье и борьбу!

Не бывать безъ горя счастью,
Счастье горю помогло,
Въ сердцѣ холодъ станетъ страстью,
Темнымъ станетъ, что свѣтло.

Отъ судьбы уйти нельзя намъ,
Но мы можемъ ей помочь,
Мы найдемъ лекарство ранамъ,
Въ мракѣ день и въ свѣтѣ ночь.

Хочешь страсти неизмѣнной
Безъ страданья, безъ бѣды?
Пузырекъ возьми безцѣнной
Чудодѣйственной воды.

Въ силахъ чарами размѣрять,
Въ помощь онъ твоей судьбѣ:
Тотъ, кто выпьетъ, будетъ вѣренъ,
Вѣренъ будетъ онъ тебѣ!

Только помни, что не шутка
Вѣчно вѣрнымъ въ жизни быть...
То, что тѣшить, станетъ жутко,
Тяжкой цѣпью станетъ нить.

Скучно въ жизни нашей краткой
Съ тѣмъ же тѣ же пѣсни пѣть!
Новой страсти голосъ сладкій
На тебя накинеть сѣть, —

Что тогда?... Но поцѣлую
Солнце свѣтитъ впереди...
Я гадаю, я колдую,
Эй, красотки, подходи!...

У КУЗНИЦЫ

Кузнецъ! дорога тяжела,
Почти раскованъ конь...
Раздуй въ горнилъ свой огонь,
Чтобъ жегъ онъ до бѣла.

Возьми свой молотъ и щипцы,
Желѣзо бей и гни...
Я тороплюсь, короче дни...
Не могутъ ждать бойцы.

Взгляни, въ бояхъ притупленъ мечъ,
Его ты отточи...
Косые падаютъ лучи,
И вечеръ хочетъ лечь.

Намъ все́мъ послѣдній часъ пробьетъ, —
И молодъ я иль старъ,
Но вѣренъ глазъ, силенъ ударъ,
И я гляжу впередъ.

Ты слышишь? Тамъ идетъ игра,
Тамъ ждуть меня они...
Я тороплюсь, короче дни...
Скорѣй, кузнецъ! Пора!...

ИСПАНСКІЙ КОНТРАБАНДИСТЪ

Стой! Скорѣй копыта муламъ
Надо кожей обвернуть...
Не стучи объ землю дуломъ...
По камнямъ пойдетъ нашъ путь...

Тише! Въ чемъ опять заминка?
Вздоръ! Дорогу знаю я!
Вьется горная тропинка,
Извиваясь, какъ змѣя,

Но съ закрытыми глазами
Я, какъ днемъ, пройду по ней...
Самъ Святой Іаковъ съ нами!
Нѣтъ защитника вѣрнѣй!...

Послѣ церкви нынче, въ пляскѣ,
Карменситъ я шепнулъ, —
Какъ сверкнули остро глазки! —
«Знай, осѣдланъ вѣрный мулъ,

Завтра съ юга привезу я
Въ домъ подарокъ дорогой,
Онъ цѣною поцѣлуя,
Коль захочешь, будетъ твой!»

Эту вѣсть она изъ дому
Другу сердца своему,
Пограничнику лихому
Переслала... Но къ чему?

Пусть онъ ждетъ меня на югѣ,
Здѣсь же мы съ тобой — одни...
Не слабѣютъ ли подруги?
Ты ихъ крѣпче подтяни!...

Съ горь повѣяло колючимъ
Предразсвѣтнымъ холодкомъ...
Мы, братъ, муловъ не замучимъ,
Полчаса — и ждетъ насъ домъ!

Завтра сердце Карменситы
Стану удалю дразнить,
Покажу ей шелкъ расшитый,
Янтарей блестящихъ нить,

Ножкой гнѣвно топнетъ снова,
Вспыхнуть черные глаза,
Обожгутъ!... сама — ни слова,
Въ сердцѣ — тучи и гроза...

Жизни нашей нѣтъ волюнѣ,
Смерти жъ намъ не обмануть!...
Эй, гляди впередъ смѣлѣ!
Скоро конченъ трудный путь!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Mille e tre...

Повѣрить я готовъ успѣхамъ Донъ-Жуана,
Хотя сдается мнѣ, что дешевы они:
Въ немъ не горитъ пожаръ любовнаго дурмана,
А похотью коптятъ бенгальскіе огни.
По мѣркѣ героинь ему найти не трудно —
Сошлись на часъ, на ночь до утренней зари, —
При чемъ тутъ страсть, любовь?...

И всѣмъ, живущимъ блудно,
Легко ихъ насчитать хоть тысячу и три...
Но вѣрить не могу, что онъ закончилъ драмой
Подъ гнѣвный громъ небесъ, подъ хохотъ Сатаны, —
О, нѣтъ! Онъ просто былъ смиренъ толковой дамой,
Какъ школьникъ, предъ доской стоящій у стѣны.
Онъ быстро потерялъ мишурный блескъ задора,
Подрѣзалъ длинный усъ, ходилъ подъ праздникъ въ
храмъ,
Водилъ гулять во дворъ собачку командора
И мирно въ дураки игралъ по вечерамъ.

Сократъ любилъ Алкивіада, —
Сафо любила юныхъ дѣвъ.
Я врагъ страстей такого склада, —
Ко мнѣ, мораль! Рычи, какъ левъ!...
Иль возмущаться мнѣ не надо?
Сафо такъ сладостенъ напѣвъ,
Сократа мудрость такъ небесна, —
Что разсудить хоть ихъ бы честно!

Нѣтъ, лучше не глядѣть сурово
И не совать свой чуткій носъ
Въ дѣла сосѣдскаго алькова, —
А то, пожалуй, на вопросъ,
Взаправду ль, самъ житяя святого,
Ты добродѣтелью проросъ,
Тебѣ придется лгать пространно...
Мы всѣ живемъ немного странно!

Смѣшно искать святыхъ по хатамъ,
Порокъ не весь ушелъ въ верхи...

Готовъ охотно быть я братомъ
Почтеннымъ мужамъ отъ сохи,
Но предпочель бы быть Сократомъ
Иль, какъ Сафо, писать стихи
И не смущался бы пороковъ,
Столь искушавшихъ сны пророковъ!

ГЕРКУЛЕСЪ И ОМФАЛА

У ногъ Омфалы Геркулесъ
Глядитъ влюбленнымъ долгимъ взглядомъ,
И золотая прялка рядомъ:
Забыто все — Немейскій лѣсъ,
И Стимфалидъ желѣзныхъ пѣнье,
И топотъ угнанныхъ коней, —
Живеть онъ для любви своей
И жаждетъ, чтобъ его смиренье
Ему хотя бъ на мигъ дало
Привѣтъ задорной, нѣжной ласки...
Смѣются голубые глазки —
На сердцѣ ясно и свѣтло!
Стучитъ въ рукахъ неловкихъ прялка,
Шумитъ, жужжитъ веретено,
Смѣются всѣ!... Мнѣ не смѣшно,
И Геркулеса мнѣ не жалко:
Я вижу, зыблется вдали
Головокъ женскихъ вереница,
Сіяютъ свѣжестью ихъ лица,
Весной проснувшейся земли, —

И, струны чувства перестроя,
Мечтой несбыточной гонимъ,
Герой пойдетъ навстрѣчу имъ...
Мнѣ жаль Омфалы, не героя!

ГОЛОСЪ ПУБЛИКИ

Намъ догадка выше факта,
Вамъ въ мѣшкахъ не спрятать шиль:
Знаемъ — кто-то съ кѣмъ-то какъ-то
Гдѣ-то въ чемъ-то согрѣшил!

Ты гулялъ вчера съ Ириной...
Вамъ зачѣмъ гулять вдвоемъ?
Ты скучаешь съ Катериной...
Мы вамъ пѣсню пропоемъ!

Ты богатъ? Такъ ты грабитель!
Ты женатъ? Тебѣ рога!
Ты — разбойникъ, ты — мучитель,
Ты для друга злѣй врага!

Что не мы, то все безчестно,
Что не мы — сплошной развратъ,
Все, что скрыто, намъ извѣстно,
Все, что явно, маскарадъ!

Мы — блюстители порядка,
Мы прочистимъ все до тла!...
Гдѣ-то какъ-то кто-то гадко
Съ кѣмъ-то что-то... Вотъ дѣла!

ДИОИРАМБЪ ЗЕВСА

Олимпъ мой прекрасный, родимыя горы,
Свидѣтели вѣчной заботы державной
О свѣтлой Элладѣ, свободной и славной!
Мнѣ тяжко!... Среди небожителей — ссоры
И завистью черной горящія взоры,
Подъ внѣшней красой безнадежность тупая
Ихъ рѣчи заученной, поступи плавной...
Даная! Даная!

Полна на пирахъ вѣроломствомъ бесѣда,
Хитритъ Афродита предъ носомъ Гефеста
И мыслить со злобой: «Психея — невѣста!»...
Афинѣ сладка надъ Аресомъ побѣда
И всюду ей хочется перваго мѣста...
Шипитъ Артемида, дѣвчонка дрянная...
А Гера впилась въ моего Ганимеда...
Даная! Даная!

Изъ женщинъ быть честной одна лишь сумѣла, —
Не глупая Ио, спартанка Алкмена,
Европа, быку предлагавшая сѣно,
Не птичница Леда, пустая Семела, —
Одна лишь Даная, сказавшая смѣло,
Что, только дождю золотому внимая,
Любовь предо мною падеть на колѣна...
Даная! Даная!

СПАРТАНСКАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ

Какъ счастливъ Менелай — при немъ Елена!
Всю Грецію онъ поднялъ на войну,
Чтобъ возвратить сбѣжавшую жену...
О Спарта, преклони предъ ней колѣна!

Она права! Ужель ея измѣна
Могла смутить спокойную страну?
Пускай приѣмлють боги всю вину, —
Имъ скучно, и нужна имъ перемѣна...

Права царица! И теперь она,
Достоинства и кротости полна,
Спартанкамъ служитъ образцомъ примѣрнымъ,

И твердо знаетъ всякая чета,
Что будетъ жизнь ея свѣтла, проста,
Когда сумѣетъ мужъ остаться вѣрнымъ...

МУДРЫЙ ОДИССЕЙ

Когда домой изъ долгаго похода
Вернулся хитроумный Одиссей,
Онъ скромно далъ отчетъ женѣ своей
О похожденияхъ всяческаго рода.

Сказалъ, что ей къ лицу чудесно мода,
Что вѣрилъ онъ и вѣритъ только ей,
И выгналъ надоѣвшихъ ей друзей
Къ восторгу мирно спавшаго народа.

Политикъ мудрый, тонкій сердцеѣдъ,
Добылъ онъ снова кровь, жену, обѣдъ, —
И съ умиленьемъ до сихъ поръ Европа

Придти въ себя не можетъ, что могла,
Душой и тѣломъ дѣвственно цѣла,
Хранить такъ долго вѣрность Пенелопы.

ВАКХЪ И АРІАДНА

Флейты и трубы, свирѣли, кроталы...
Въ бѣшеной пляскѣ несутся менады,
Взоры ихъ блещутъ и губы такъ алы,
Такъ онѣ солнцу и юности рады,
Полною грудью свободно и жадно
Пьютъ въ упоеньи скользящемъ забвенье...
Богъ говоритъ: «Оглянись, Аріадна!
Горе твое, какъ и счастье, — мгновенье...
Въ жизни, бѣгущей дорогою пыльной,
Что постоянно и прочно и вѣчно?
Противъ судьбы даже боги безсильны, —
Мудрость Олимпа свѣтла и безпечна!
Свѣтомъ и тѣнью, весельемъ, тоскою
Мигъ набѣгаетъ на сердце за мигомъ,
Смертныхъ безстрастно уводитъ съ собою
Смерти навстрѣчу подъ жизненнымъ игомъ!
Все лишь мгновенье — и жизнь, и мечтанья,
Люди, любовь и великіе боги, —
Пей свое счастье, забывъ о страданьи,

Пей среди пыльной и краткой дороги...
Если любовь, улетѣвъ, измѣнила,
Смѣйся! Ты встрѣтишь сейчасъ же другую,
Будеть, какъ въ прежней, все ново и мило,
Новому губы отдашь поцѣлую...
Все — лишь мгновенье... Душѣ умудренной
Искрою счастья мгновенье отрадно...
Богъ говорить, и съ улыбкой смущенной
Пьянымъ внимаетъ рѣчамъ Ариадна...

ЛИДІЙСКАЯ ЭПИТАЛАМА

Поеть и звучить моя лира
Во славу невѣсты прекрасной,
Пришедшей для брачнаго пира,
Да счастье пребудеть при ней,
Да будетъ вся жизнь ея свѣтлой и ясной!
Ю, ю, Гименей!

Быль Кандавлу царю помощникомъ вѣрнымъ и
другомъ
Добрый Гигесъ и престола надежной и крѣпкой
опорой,
Сладкой утѣхой царю и царицѣ, любезнымъ супру-
гамъ, —
Мудростью свѣтлый въ совѣтѣ, а въ дѣлѣ рѣшимостью
скорой.
Но межъ собою дивились царица и царь про Гигеса,
Какъ онъ не видитъ, что женъ всѣхъ лидійскихъ
прелестнѣй и краше

Только царица... И вотъ, чтобы съ глазъ его спала
завѣса,
Боги лукаво внушили Кандавлу, сидѣвшему съ чашей,
Тайно Гигесу цвѣтокъ показать неподобный, раскры-
тый,
Дабы онъ могъ насладить свои взоры живой Аффо-
дитой.

Храни ихъ очагъ отъ позора,
Великая, чистая Гера,
Стыдливо отъ чуждаго взора
Окутай рукою своей,
Да будетъ имъ счастья обильная мѣра!
Ю, ю, Гименей!

Ужась Гигеса объялъ, но онъ долженъ царю под-
чиниться...
Видѣлъ цвѣтокъ онъ прекрасный, исполненъ сму-
щенья, тревоги,...
Быстро ушелъ... но узрѣла позоръ свой неожиданный
царица!
Дали ей силу до утра дождаться великіе боги...
Утромъ призвала царица Гигеса, и грозное слово
Слышитъ онъ: «Было Кандавлу меня опозорить
угодно, —
Ты не виновенъ! Но тотъ, кто увидѣлъ меня безъ
покрова,
Долженъ погибнуть — иль быть моимъ мужемъ...
Рѣшенъ свободно»...

Къ noci недвижно лежало Кандавля убитаго тѣло,
И на Гигеса царица съ усмѣшкою нѣжной глядѣла.

О ! боги, пошлите вы этимъ
Супругамъ покой безмятежный!
Мы факеломъ брачнымъ засвѣтимъ
Для жизни ихъ счастье полнѣй!
Эротъ, улыбнись имъ, и страстный и нѣжный!
Ю, ю, Гименей!

КСЕРКСЪ

«На море мы накинули оковы —
Взгляни, съ рабовъ твоихъ струится потъ!
Къ своимъ прибавишь новый ты народъ!
Великій Царь! войска твои готовы
И знака ждуть, чтобъ двинуться въ походъ!»

Катясь потокомъ мощнымъ, многоструйнымъ,
Идутъ на западъ всѣ, за рядомъ рядъ,
Людского моря не обниметь взглядъ...
Смѣется Царь въ весельи духа буйномъ,
И гордостью глаза его горять.

Онъ мыслить: «То, о чемъ мечтали дѣды,
Исполню я въ величїи моемъ,
Одинъ я буду на землѣ царемъ,
И на столѣтъя завершать побѣды
Послѣдній нашъ и царственный подъемъ!...

Столѣтъя... Годы такъ бѣгутъ... О, боги!
Грядущихъ не увижу я времянь...

Не я одинъ... Изъ этихъ всѣхъ племень
Черезъ вѣкъ кто будетъ — знатный иль убогій —
Судьбой для сладкой жизни сохранень?...

За всѣми тупо смерть протянетъ лапы
И въ прахѣ дастъ непрошенный покой...
Зачѣмъ-же все?... О, жалкій родъ людской!
И въ страхѣ видятъ ближніе сатрапы,
Какъ плачетъ Царь, закрывъ лицо рукой.

ХИМЕРЫ

Когда Беллерофонъ пустиль копьемъ въ Химеру,
Лукавый конь Пегасъ отъ хохота заржалъ...
Копьемъ убить мечту! Кто откуетъ кинжалъ,
Чтобъ въ сердце поразить на смерть слѣпую вѣру?

Слѣпцы, безумцы мы, когда стремимся въ слѣдъ
Манящихъ насъ химеръ и масокъ идеала!
Мы вѣчно пьемъ вино изъ грязнаго бокала
И ждемъ, закрывъ глаза, надъ призракомъ побѣды!

Угаръ вина пройдетъ, исчезнетъ опьяненье,
И гадкій, тяжкій вкусъ оставить въ насъ сосудъ...
Не пей, не вѣрь, уйди! Вездѣ обманы ждутъ,
Мечта сама себѣ приноситъ разрушенье,

Не ты убьешь ее!... Не жди, не вѣрь, уйди!
Мечтанья и любовь, порывы, ожиданья
Дадутъ всегда вѣнецъ отравленный страданья
Тому, кто не рожденъ съ булыжникомъ въ груди!

ДРЕВНЕ-ПЕРСИДСКАЯ
МОЛИТВА

Земля, кормилица святая
Всего, что къ жизни рождено!
Взрасти, мольбѣ моей внимая,
Надежды слабое зерно!

Огонь и ласковый, и грозный!
Согрѣй мольбу и освѣти,
Спаси ее отъ тьмы морозной
На узкомъ, вьющемся пути!

Вода! струей своей прозрачной
Ты жажду сердца утоли,
И пусть мольбы ростокъ невзрачный
Зазеленѣетъ средь земли!

О, вѣтеръ, вѣющій прохладой
Съ высокихъ горъ страны моей!
Дыханьемъ свѣжимъ грудь порадууй,
Свершенье жданнаго привѣй!

Луна и солнце! въ ходѣ мѣрномъ
Вы сторожите бѣгъ временъ!
Въ мольбѣ о дальнемъ, свѣтломъ, вѣрномъ,
Стою предъ вами я, склоненъ!

Молю васъ всѣхъ о всемъ народѣ,
Я — капля въ дышащихъ моряхъ,
Песчинка въ мыслящей природѣ,
Я — колосъ въ жатвенныхъ поляхъ!...

БУДДА

I.

Благословенъ познавшій путь,
Единый путь, прямой и средній,
Ведущій душу въ кругъ послѣдній,
Гдѣ ей дано навѣкъ заснуть!
И трижды будь благословенъ
Открывшій путь отъ шаткихъ стѣнъ,
Омытыхъ жизненной рѣкою,
Къ блаженно-вѣчному покою!

И онъ сказалъ: «Не счесть вѣковъ
Отъ нерожденнаго начала,
Когда впервые тварь возстала
Въ обманѣ жизненныхъ оковъ,
И души грѣшныя, вѣясь
Черезъ причины первой связъ,
Вступили въ цѣпь хотѣній лживыхъ
Для воплощеній справедливыхъ!»

И онъ сказалъ: «Съ тѣхъ поръ понесъ
Возмездье жизни міръ тѣлесный;
И если бѣ силою чудесной
Собрать потоки горькихъ слезъ,
На землю пролитыхъ средь мукъ,
То всѣ моря, всѣ воды вдругъ
Въ слезахъ исчезнуть утопая,
Какъ въ морѣ капля дождевая!»

Благословенъ, кто средь страстей,
Предавшихъ міръ и лжи, и бреднямъ,
Идетъ путемъ единымъ, среднимъ,
И сбросить зло земныхъ цѣпей.
И трижды будь благословенъ
Сломившій чувствъ обманъ и плѣнъ
И твердой выведшій рукою
Къ блаженно-вѣчному покою!

БУДДА

II.

Свершая путь стезей земною
Не промедляй и не спиши!
Ты тѣнь свою влачишь съ собою,
Но тѣло — тѣнь твоей души.

Въ могилу тѣнь съ тобой не ляжетъ,
Когда исполнится череда!
Тогда душа твоя развяжетъ
Земного странствія года,

Отринетъ въ прахъ и тлѣнье тѣло,
Какъ стонъ витающій, вспорхнетъ
И въ даль надзвѣзднаго предѣла
Направитъ прямо свой полетъ.

О, горькій плодъ земного древа!
О, пятна крови и страстей!
Стяжанья зависти и гнѣва!
О, часъ рожденья къ жизни сей!

Она пойметъ свой путь печальный,
Сплететъ для жизни снова нить
И вступить въ кругъ первоначальный,
Чтобъ въ мукахъ тѣнь съ собой влачить.

Но если бѣ медленно, вѣками,
Счищая накипь лжи и зла,
Она любовью и дѣлами
Себя къ блаженству возвела,

То тамъ, внѣ жизненныхъ насилій,
Въ безстрастной встрѣчѣ равныхъ силъ,
Послѣдній взмахъ безплотныхъ крылій
Ее навѣки бѣ усыпиль.

Къ блаженно-вѣчному покою
Иди, не медли, не спѣши!
И помни: тѣнь всегда съ тобою,
Но тѣло — тѣнь твоей души!

Терцины

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Достались мнѣ отъ дѣда по наслѣдью
Старинные песочные часы...
Сатурнъ унылый, размахнувшись мѣдью
Наполовину сломанной косы,
Стоить надъ потускнѣвшей оправой
Предъ дѣвушкой, держащей вѣсы...
Что хочетъ онъ соскочить? Какой забавой
Потѣшить ненасытный голодъ свой?
А дѣвушка съ улыбкою лукавой,
Что хочетъ взвѣсить слабою рукой?
Застыли оба въ вѣчномъ напряженьи,
Вперивъ незрячій взоръ передъ собой,
А времени безшумное движенье,
Пересыная струйкою песокъ —
Бездушный прахъ минувшаго мгновенья! —
Спѣшитъ распутать скомканный мотокъ
Всей нашей жизни, странной и безцѣльной,
Спѣшащей, какъ стремительный потокъ
Въ туманъ морей, густой и безпредѣльный...

КОНЕЦЪ

Animula vagula, blandula...

Онъ умиралъ — и зналъ, что Смерть у ложа
Стоитъ и терпѣливо ждетъ конца...
Бродили мысли, прошлое тревожа...
То взгляды мелькаль забытаго лица,
То юности порывъ, смѣшной и милый,
То злой обманъ, то голосъ мудреца...
О, если-бъ снова жизнь, и свѣтъ, и силы!...
Но нѣтъ! Не можетъ выиграть игрокъ,
И на краю безмысленной могилы
Всѣ ставки бьетъ рукою твердой рокъ!...
Да и къ чему?... Чтобъ повторить сначала
Ненужный и мучительный урокъ?...
О, Боже! Жить такъ долго — и такъ мало!...
Весной какъ утра были хороши!
Какъ нѣжная листва въ саду дрожала
И сердце билось въ радостной тиши!...
Онъ умиралъ... слѣдили тихо очи,
Какъ тѣнь тоскливо гаснущей души
Вливалась въ грозный мракъ предвѣчной ночи...

ВСТРѢЧА

Въ садахъ одной изъ городскихъ окраинъ,
Гдѣ въ часъ заката легче дышитъ грудь,
Мнѣ встрѣтился гулявшій мирно Каинъ.
Онъ сѣлъ со мной немного отдохнуть
И говорилъ, поникнувъ головою:
«Такъ жить нельзя! Зоветь насъ новый путь,
Мы вслѣдъ пойдемъ за новою звѣздою,
Мы цѣпи зла, какъ нити, разорвемъ
И, окропивъ весь міръ водой живою,
Мы будемъ жить заботой лишь о немъ!
Предъ нами свѣтлый океанъ свободы,
Любовь намъ будетъ кормчимъ и рулемъ,
И близокъ часъ! Пусть тяжки будутъ роды, —
Грозой желанной сохнущей землѣ
Несутъ расцвѣтъ бушующія воды,
Я чую день, видна заря во мглѣ!»...
Но я исполненъ былъ тоски и скуки
И видѣлъ лишь помѣту на челѣ
И кровью брата облитыя руки...

ВИДѢНЬЕ

Когда дыханье смерти пронеслось
И шаръ земной въ паденьи неустанномъ
Склонялъ опять къ инымъ свѣтиламъ ось,
Послѣдній свѣтъ погасъ въ мерцаньи странномъ,
И вѣчной ночи безпощадный ликъ
Простеръ покровъ надъ міромъ бездыханнымъ.
Одинъ въ пространствѣ, грозенъ и великъ,
Носился Духъ слѣпой, непостижимый,
Въ молчаньи, страшномъ, какъ предсмертный крикъ.
Но, темнымъ вихремъ вѣчности гонимый,
Блеснулъ навстрѣчу блѣдной искрой свѣтъ,
Невѣрный, дальній, еле уловимый —
И все сильнѣй въ потокѣ быстромъ лѣтъ.
Горѣло солнце вновь слѣпящимъ жаромъ,
Воздвигся рядъ сіяющихъ планетъ,
И на землѣ, покрытой душнымъ паромъ,
Отъ смерти встали жизни сѣмена
Въ мятенѣ вѣчно новомъ, вѣчно старомъ...
И вновь тогда свершились времена.

МАЛЕНЬКІЯ ТЕРЦИНЫ

Omnes eodem cogimur...

I.

Любовь моя, приди, подсядь ко мнѣ...
Дай руки, я ихъ нѣжно поцѣлую...
Но отчего такъ холодны онѣ?

Зачѣмъ въ глазахъ читаю грусть нѣмую,
Когда свиданья долго жданный часъ
На все накинულъ дымку золотую?

Люблю тебя!... Что можетъ противъ насъ?...
Пускай боязнь одѣнетъ тучей сѣрой
Грядущій день, — ты помни: тотъ, кто спасъ

Въ душѣ огонь любви горящей вѣрой,
Пройдетъ чрезъ испытаній тяжкихъ рядъ,
Отпущенныхъ намъ, смертнымъ, полной мѣрой!

Такой любви не страшень жалкій ядъ
Обидныхъ словъ, уколовъ, сожалѣній,
Они, какъ сталь, намъ сердце закалять,

Промчатся краткимъ сномъ ночныхъ видѣній.
И солнце засіяетъ скоро вновь
Глубокимъ свѣтомъ вѣчныхъ откровеній...

Такъ я люблю тебя, моя любовь!

II.

Судьбы улыбокъ вѣчно ждать нельзя...
Пьянитъ насъ жизнь и блескомъ, и весельемъ —
И выдастъ вдругъ, несчастьями грозя!

Охваченный мучительнымъ похмѣльемъ,
Глядишь, какъ прихотливая судьба
Несетъ удары и дворцамъ, и кельямъ,

Казнить и господина, и раба!
Страданій ждать отъ жизни — наше право,
Но даже въ сильныхъ духомъ плоть слаба,

А одиночество — душѣ отравя...
И если въ жизнь отъ жизни не уйти
Въ цѣпяхъ ея жестокаго устава,

То какъ намъ не погрязнуть на пути?
Любовь моя, въ рукахъ твоихъ спасенье,
Ты можешь все, ты только захоти,

И все, что одному снести мученье,
Не тронетъ душу намъ, когда вдвоемъ
Сквозь злобныхъ и враждебныхъ силъ кипѣнье

Мы, крѣпко за руки держась, пройдемъ!

III.

Хотѣлъ-бы я читать въ душѣ твоей!...
Но для чего? И безъ того все ясно:
Какъ день весенній, свѣтъ твоихъ очей, —

А ждать геройства глупо и напрасно
Отъ самого себя и отъ другихъ.
Душой твоей — увы! — владѣть властно

Обманъ надеждъ, для сердца дорогихъ,
Ты ловишь чашу жадными руками,
Бѣжишь къ мечтамъ — какъ будто счастье въ нихъ!...

Любовь моя, печальными глазами
Гляжу впередъ, предчувствуя конецъ,
И не ропщу на то, что временами

Смѣется надъ твореніемъ Творецъ!
Къ чему роптать? мы — дѣти, мы — слѣпые,
Не видимъ мы во тьмѣ своихъ сердець...

Раскаты грома слышу я глухіе,
Грозой встаетъ терзаній новыхъ рать,
А ты... ты видишь тучки золотыя...

О, если-бы я могъ себѣ солгать!...

IV.

Окутанъ мягкой сѣтью нѣжныхъ словъ
И ясныхъ взоровъ честной прямою,
Я вѣрю!... Вѣрить я всему готовъ,

Когда, ко мнѣ приникнувъ головою,
Ты — искренность, довѣрчивость сама!...
Смѣшно подумать, какъ въ борьбѣ съ судьбою,

Безумецъ, прежде я сходилъ съ ума,
Искалъ, кипѣлъ, стремился въ даль куда-то
И ждалъ, когда исчезнетъ въ сердцѣ тьма!

Душа теперь спокойствіемъ объята,
Я знаю: вѣра — мудрости удѣлъ...
И если струйкой злого аромата

Обманъ, смѣясь, на сердце налетѣлъ,
То я не слышу, слышать не хочу я,
И въ сердцѣ прежній милый образъ цѣлъ!...

Уходишь ты, и въ ласкѣ поцѣлуя
Залогъ счастливыхъ встрѣчъ вкушаю я —
И не спрошу себя, всю кровь волнуя:

Кому ты лжешь теперь, любовь моя?...

Сонеты

ЛЮБЛЮ

Люблю... Мы любимъ все — духи, перчатки,
Друзей, красивыхъ женщинъ, лошадей,
Объёды, блескъ возвышенныхъ идей
И паяцовъ пошлѣйшія повадки!

Люблю... и смысла жалкіе остатки
Въ несчастномъ словѣ гибнуть средь затѣй
Жестокихъ, лживыхъ и пустыхъ людей,
Топить привыкшихъ въ злѣ добра зачатки!

Люблю — холодный, опытный актеръ
Сказалъ такъ нѣжно, руки такъ простеръ,
Какъ будто весь пропитанъ онъ любовью...

А ты... Тебѣ въ актеры не попасть,
Хотя бѣ въ душѣ твоей дрожала страсть,
Хотя бы сердце обливалось кровью!...

ВОЛШЕБНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИКЪ

Въ любви всегда все ново, все старо,
И подь конецъ знакомая картина:
Легко, искусно пляшетъ Коломбина
Межъ Арлекиномъ и своимъ Пьеро!

Что жь, убиваться? иль язвить остро?
Съ тѣхъ поръ какъ мiръ стоитъ, одна пружина
Толкаетъ въ сѣть Пьеро и Арлекина...
Подуетъ вѣтеръ, — вѣрность, какъ перо...

Не будемъ къ Коломбинѣ слишкомъ строги!
Какъ будто не сбивались мы съ дороги!
Въ душѣ людской копаться глубоко

И ждать чудесъ терпѣнья — безразсудно...
За человѣка жизнь отдать легко,
Но съ нимъ прожить всю жизнь — ужасно трудно!...

СЧАСТЬЕ

Собравъ обѣда барскаго обѣдки,
Напяливъ шубу съ барскаго плеча,
Иной готовъ повѣрить сгоряча,
Что случаи такой удачи рѣдки!

Судьба, подоль брезгливо засуча,
Швыряетъ часто стертая монетки,
И, лишь остывъ, мы видимъ напоследки,
Что свѣтитъ намъ не солнце, а свѣча...

Обѣдки мысли, чувства, настроенья,
Поношенныхъ восторговъ умиленья, —
Не все ль равно? Ты могъ или хотѣлъ

Добиться счастья лишь такого сорта, —
Благодари скорѣй за свой удѣлъ
Иль ангела-хранителя, иль чорта!...

ЗАКАТЪ

Заходитъ солнце... Всѣ оживлены...
Мужской задоръ и женское кокетство...
На грозной жизни жуткое сосѣдство,
Волнуемъ самъ, гляжу со стороны...

Не для себя на свѣтъ мы рождены:
Пріявши жизнь, ее другимъ въ наслѣдство
Отдать спѣшимъ, — и мы не цѣль, а средство!
Природѣ лишь какъ пѣшки мы нужны!

Горѣть, дрожать, искать любви, добра, —
И думать, что все это лишь игра,
Замѣна взрослымъ дѣтскихъ глупыхъ басенъ!

Гляжу я на сосѣдку, на зарю,
И съ дѣланной улыбкой говорю:
«Закатъ давно ужъ не былъ такъ прекрасенъ!»...

СИМФОНІЯ ЖИЗНИ

Садись въ оркестръ и инструментъ готовь,
Играй, какъ всѣ!... Въ глазахъ двоятся ноты?
Ты утомлень? Работать нѣтъ охоты?
Пиликай иль дуди, наморщивъ бровь,

Собьешься — начинай скорѣе вновь
И находи въ трудѣ своемъ красоты,
Но помни: господа твоей работы —
Свирѣпый Голодь, грозная Любовь!

Ищи въ нуждѣ желѣзной вдохновенья,
Проси, когда устанешь, утѣшенья
У равнодушныхъ ко всему небесъ,

Преуспѣвай въ искусствѣ жизни хитромъ, —
А капельмейстеръ — Смерть — на вышку влѣзь
И машетъ палкой предъ пустымъ пюпитромъ!...

ЛОЖЬ

I.

Какъ націи культурный образецъ,
Эллада поняла проникновенно,
Что глупый варваръ тотъ, кто дерзновенно
Носить рѣшился Истины вѣнецъ:

Народъ и царь, философъ и пѣвецъ,
Олимпъ, Аидъ — всѣ лгали вдохновенно,
И пала Персія, гдѣ неизмѣнно
Правдивымъ сына быть училъ отецъ.

Какъ эллины, склонились мы предъ Ложью,
Мы ею живы и къ ея подножью
Несемъ дары и сердца, и ума,

И человекъ, своимъ лганьемъ согрѣтый,
Не хочетъ знать, что весь нашъ міръ воспѣтый —
Огромная и душная тюрьма!

II.

Нашъ міръ — тюрьма! Мы жалки и убоги,
Но не хотимъ, чтобъ вѣчно тлѣлъ нашъ прахъ.
И вѣримъ, что ему на небесахъ
Пріемъ достойный уготовать боги.

Мы съ жаромъ плачемъ о себѣ въ церквахъ,
Бѣжимъ съ мольбой въ мечети, въ синагоги,
И всѣмъ, средь тяжкой жизненной дороги,
Сжимаетъ сердце безотчетный страхъ.

Нашъ міръ — тюрьма! Что жъ будетъ послѣ съ нами?
Ужели тѣломъ мы исчезнемъ сами,
Ужель удѣлъ всего, что дышитъ, схожъ?

Приди на помощь нашей робкой вѣрѣ,
Открой намъ хоть за гробомъ счастья двери,
Спасительница душъ, святая Ложь!

СКУЧАЮЩИЕ БОГИ

Осилить мыслью творческой хаосъ,
Весь міръ связавъ гармоніи закономъ,
Скучаютъ боги! Предъ небеснымъ трономъ
Грозой встаетъ мучительный вопросъ:

Что дѣлать?... Вотъ одинъ, съ вѣнкомъ изъ розъ,
Стихи поетъ земнымъ прекраснымъ женамъ,
Другой стравилъ людей и внемлетъ стонамъ,
А тотъ пастушкѣ въ помощь ловить козъ.

Закончено и стройно ихъ творенье —
И не найти никакъ имъ примѣненья
Порывамъ вѣчной юности своей:

Все въ мірѣ, ими въ первый разъ согрѣтомъ,
Безъ нихъ цвѣтеть роскошнымъ, пышнымъ цвѣтомъ,—
И боги жить не могутъ безъ людей.

UTILE DULCI

Кто мы? Рабы съ запутанными снами,
Прислужники презрительной судьбы —
Иль высшій родъ, созрѣвшій для борьбы
Съ бездушными, жестокими богами?

И вѣрно можемъ ли рѣшить мы сами,
Проснемся ль въ судный день подъ звукъ трубы?
Что ждетъ насъ? Только тлѣнье и гробы, —
Иль вѣчный духъ въ насъ вложенъ небесами?

Въ молитвахъ скромно проводить года?...
Служить и день и ночь земному бѣсу?...
Какія крайности! Для насъ всегда

Припасена спасительная мѣра:
Прослушать съ набожнымъ смиреньемъ мессу
И, Богу долгъ отдавъ, читать Вольтера!

ЧЕЛОВѢКЪ

Двухъ муравьевъ ребенокъ изловиль,
Рученками стравиль ихъ преискусно...
Они грызутся... Какъ смѣшно! Какъ вкусно!
Какъ смертный бой его сердечку миль!

Сіяетъ мать — ей за него не грустно:
Ни тѣломъ, ни душою онъ не хиль,
И Богъ ему послалъ довольно силъ,
Чтобъ человѣкомъ жить — хитро и гнусно.

Ребенкомъ онъ уже растить въ себѣ
Любовь къ ненужной никому борьбѣ,
Чужой бѣдой волнуетъ сладко чувство,

И, подлостью надъ міромъ господинъ,
Средь всѣхъ живыхъ возлюбитъ онъ одинъ
Искусство чистой злобы для искусства!

E PUR SI MUOVE...

Отжившей жизни жалкая помѣта,
Развалины стариннаго дворца
Глядятъ безъ глазъ, какъ черепъ мертвеца,
Въ мерцающей игрѣ тѣней и свѣта.

Любовью, гнѣвомъ жили въ нихъ сердца,
Безвѣстно всѣ они истлѣли гдѣ-то,
Безслѣдно разлетѣлись, какъ комета
Въ пространствѣ безъ начала и конца.

Свершая слѣпо кругъ судьбы желѣзный,
Несется все въ загадочныя бездны,
Гдѣ не одинъ дышавшій міръ погасъ...

Весна смѣется, воздухъ полонъ нѣги,
И старой жизни новые побѣги
Пируютъ буйно свой недолгій часъ.

ИГРА

Ты вѣришь въ то, что вѣкъ настанетъ лучший
И человѣкъ, забывъ, что онъ лишь звѣрь,
Найдетъ въ душѣ таинственную дверь
Въ завѣтный рай божественныхъ созвучій,

Гдѣ все — любовь, гдѣ горькихъ нѣтъ потерь,
Гдѣ пламень братства, ровный и могучій,
Дастъ смыслъ иной судьбѣ людей кипучей...
Ты счастливъ — и какъ можно дольше вѣрь!

Но если ты потомъ утратишь вѣру,
То, какъ игрокъ холодный, помни мѣру,
Гляди спокойно на чужой азартъ

И наблюдай безстрастно, острымъ взглядомъ,
Какъ жизнь играетъ съ нами сплошь да рядомъ
Колодой грязныхъ и крапленыхъ картъ!

СФИНКСЪ

Изъ тьмы, гдѣ нѣтъ ни мѣры, ни предѣла,
Въ сознаниі разумномъ бытія
Зачѣмъ явилась въ міръ душа моя?
О прошломъ память въ ней не уцѣлѣла...

Дыханье вѣчныхъ силъ въ себѣ тая,
Она къ безсмертію стремится смѣло
И улетитъ, когда погибнетъ тѣло, —
Куда? Зачѣмъ?... Увы! не знаю я...

Такъ темной ночью, средь лѣсной дороги,
Зажженный факелъ лить свой свѣтъ убогій,
То вспыхнувъ съ трескомъ, то блѣднѣя вдругъ...

Лѣсная тишина полна видѣній...
Онъ догорѣлъ... Стѣной сомкнулись тѣни,
И снова ночь беззвѣздная вокругъ.

МИРАЖЪ

Визитовъ свѣтскихъ, модныхъ чаепитій
Не терпитъ больше чуткая душа
И сладостно мечтаетъ, чуть дыша,
Какъ хорошо на островахъ Таити...

Мазкомъ волшебнаго карандаша
Раскрасилъ даль коварный рядъ наитій,
И тонкія, таинственныя нити
Влекутъ впередъ, неслышно, не спѣша...

О чуткая душа! къ какимъ картинамъ,
Къ какимъ прекраснымъ берегамъ уйти намъ
И въ красотѣ прожить, людей любя?

И шепчетъ голосъ совѣсти правдивой:
Чтобъ край найти чудесный и счастливый,
Бѣжать должны мы отъ самихъ себя!...

ПОЭЗІЯ

Поэтъ, гордишься ты небеснымъ даромъ
Плѣнять и трогать музыкаю словъ,
Игрой блестящей прихотливыхъ сновъ,
Своей тоской, своимъ сердечнымъ жаромъ.

Ты вѣришь, что въ полетѣ звучныхъ строфъ
Твой духъ на пепелищѣ міра старомъ
Зажжетъ сердца слѣпительнымъ пожаромъ
Твоихъ восторговъ или катастрофъ, —

Но безразличны всѣмъ твои мученья,
Твои паденья, взлеты, увлеченья,
Глубокихъ чувствъ играющій прибой,

Свѣтло ль въ душѣ твоей иль безотрадно,
Въ тебѣ себя лишь каждый ищетъ жадно
И плачетъ и смѣется надъ собой!...

Marginalia Biblica

I.

Господь возсѣдаетъ въ небесномъ шатрѣ,
То внизъ поглядитъ, то посмотритъ горѣ —
Слѣпитъ и сіяетъ нетлѣнная слава,
Архангелъ направо, архангелъ направо,
Съ мечомъ на бедрѣ.

Вотъ слышится тріо — знать, ночь ужъ близка...
Поютъ херувимы: два свѣжихъ баска,
А третій претонко выводитъ, какъ дѣва...
Архангелъ направо, архангелъ направо —
Какая тоска!...

Поетъ, заливаема ангеловъ хоръ...
Но мрачно Владыка вперяетъ свой взоръ
На землю, гдѣ, страстью земною палимы,
Красавицъ подругъ обрѣли херувимы, —
Скандалъ и позоръ!

«Пріѣлась имъ святость небесной весны,
Безъ женщинъ имъ райскія кущи тѣсны,
Имъ снятся лобзанья и тайныя встрѣчи,
И стройныя ноги, и круглыя плечи...
Преступные сны...

Въ хаосъ Я вносилъ и порядокъ и свѣтъ,
И вижу Я много зловѣщихъ примѣтъ:
Растеть непокорное, гордое племя,
Молиться имъ въ тягость, и слушаться — бремя,
Смиренія нѣтъ,

Не гнется отъ страха упрямый ихъ лобъ,
Они и Создателя вгонять во гробъ...
Довольно смѣшенья земного съ небеснымъ!
Покончу со всѣми приѣмомъ чудеснымъ, —
Да будетъ потопаъ!!!»...

II.

Свершенъ людьми обычный рядъ моленій...
Забуть потопъ. Лишь радуга порой
Потѣшитъ взоры красочной игрой...
Господь вдыхаетъ пряный дымъ куреній,

И мыслить Онъ: «Что первый, что второй —
Не помнитъ родъ людской Моихъ велѣній!
Повитый зломъ и скверной вожделѣній,
Грѣхомъ окутанъ, точно дубъ корой,

Онъ рабъ своихъ восторговъ и страданій,
И презреть онъ Божественный наказъ
За ласку, за улыбку женскихъ глазъ,

Не ждя Моихъ наградъ или наказаній!»
Вздыхаетъ Онъ и внизъ глядитъ... А тамъ
Надъ пьянымъ Ноемъ всласть хохочетъ Хамъ.

III.

Горько плачутъ дочки Лота:
«Въ гнѣвѣ грозенъ былъ Господь,
Въ мигъ одинъ людская плоть
Провалилась вся въ болото!

Надъ пожарищемъ пустымъ
Страхъ туманить наши взоры —
Нѣтъ Содома, нѣтъ Гоморры,
Только ѣдкій вьется дымъ.

Нѣтъ Гоморры, нѣтъ Содома,
Нѣтъ и нашихъ жениховъ,
Горькій жребій нашъ таковъ,
Что сидѣтъ намъ въ дѣвкахъ дома!

Богъ спасаетъ насъ въ тюрьму
Отъ какого то разврата,
Дабы жить могли мы свято
И всегда служить Ему,

Онъ хранить насъ отъ порока,
Онъ великъ и мудръ и святъ,
Въ Немъ давно всѣ чувства спять, —
Но страдаемъ мы жестоко!

О, безгрѣшный Саваоѣ,
Побѣдитель силъ кромѣшныхъ,
Научи насъ, слабыхъ, грѣшныхъ,
Какъ прожить безъ жениховъ...

Жизнь идетъ къ концу такъ скоро...
Мы однѣ теперь съ отцомъ...»

.
Возрождается Содомъ,
Обновляется Гоморра!

IV.

Господь глаголетъ Аврааму:
«Довольно съ насъ такого сраму,
Наложницъ по-боку пора,
Тебѣ Агарь жена или Сара?»
Но въ патріархѣ нѣтъ къ ней жара,
И онъ въ отвѣтъ: «Она стара».

Господь ему: «Причемъ тутъ годы?
Должны дивиться всѣ народы,
Сколь свѣжъ въ законѣ Авраамъ!»
Но патріархъ: «Чортъ съ нимъ, съ закономъ!
Ты знаешь — Сара съ фараономъ...
Я не люблю семейныхъ драмъ».

— «Дуракъ!» — кричитъ Господь во гнѣвѣ —
«Я такъ рѣшилъ. У Сары въ чревѣ
Израиль долженъ быть зачатъ!»
Но патріархъ Ему: «Вотъ грибокъ-то!
Вѣдь это будетъ сынъ Египта!
Не надо мнѣ подобныхъ чадъ!»...

Смѣется Сара: «Другъ любезный,
Господь мнѣ далъ совѣтъ полезный!...

И если я лицомъ стара,
То я принять сумѣю мѣры...
Всѣ кошки съ виду ночью сѣры...

Посмотримъ, чья возьметъ игра!»...

V.

У Мамврійскаго дуба убѣждаетъ сугубо
Авраама Господь быть приличнымъ:
«Ты хвостомъ не вилай и не ври Мнѣ такъ грубо,
Ужъ пора тебѣ стать политичнымъ!

Я тебѣ, патриарше, обѣщаль, что всѣхъ старше
И богаче ты будешь на свѣтѣ,
Что займутъ Палестину въ торжественномъ маршѣ
На утѣху себѣ твои дѣти, —

Такъ зачѣмъ же, собака! ты тащилъ Исаака
На алтарь, чтобъ заклать, какъ барана?
Притворяешься, лжешь ты и вертишься всяко —
Попадешься ты поздно иль рано!

Да помимо закланья — вообще, обѣщанья
Ты не удержишь — иль такъ, еле-еле...
Потрудись-ка свершить поскорѣй обрѣзанье,
Прояви послушанье на дѣлѣ!

Ты пойми, старичище, это лучше и чище,
Для обѣихъ сторонъ авантажно!
И еще Я просилъ быть разборчивѣй въ пищѣ, —
Впрочемъ, это не такъ уже важно...

Говоря между нами, ты прохвостъ, Аврааме!
Но избралъ Я тебя — и довольно:
Будетъ пѣть твой народъ Мнѣ акаеисты въ храмѣ —
А не то ему будетъ пребольно!

Будь же людямъ примѣромъ, научись ты манерамъ,
Будь хоть съ виду теперь благородень!
Не заставь прибѣгать Меня къ экстреннымъ мѣрамъ —
Аврааме, избранникъ Господень!»...

VI.

Затихла степь и спить. Въ большомъ шатрѣ ковровомъ
Смолистый запахъ травъ Сидонскій льетъ ночникъ,
И свѣтъ его скользить по сброшеннымъ покрывамъ
Ѳамари молодой... Къ груди ея приникъ
Онанъ, и, весь дрожа, онъ отдается счастью
Всю чувствовать ее, любовницу-жену.
Глаза его горять и нѣжностью, и страстью...
Чуть слышный шопотъ ихъ колеблетъ тишину...
«Люблю тебя, Ѳамарь! Ты мнѣ всего дороже,
Ты — свѣтлая весна, ты — аромать садовъ!
Не бойся! Сохраню твое безбольнымъ ложе —
Мнѣ яблони цвѣтокъ милѣй ея плодовъ!
Какое дѣло мнѣ до предковъ иль потомковъ, —
Я твой — и только твой! Нужна ты мнѣ одна!»...
И, вновь въ угоду ей порывы страсти скомкавъ,
Онъ чашу пить любви — какъ прежде, не до дна...

VII.

Давидъ главу свою посыпалъ прахомъ
И говоритъ: «Господь, въ тяжелый часъ тоски,
Когда объята грудь неяснымъ страхомъ
И безпокойно кровь моя стучить въ виски,
Въ Тебѣ ищу я мира и покоя,
Къ Тебѣ душа моя и рвется, и кричить...
Все, что не Ты — то смерть! Ты — все живое!
Любовь моя къ Тебѣ, Господь, мой крѣпкій щитъ,
Она вела меня чрезъ испытанья,
Въ горнилѣ грозныхъ бѣдъ и крѣпла, и росла,
Каковъ я есть — я весь Твое созданье!
Но нѣтъ грѣхамъ моимъ ни мѣры, ни числа...
Е предъ Тобой не притворяюсь всеу:
На смерть Урія мной, на смерть онъ посланъ былъ...
Яго жены такъ сладки поцѣлуи,
Огнемъ палить и жжетъ ея объятій пылъ!...
И вотъ, къ Тебѣ пришелъ я за прощеньемъ,
Скажи опять, что Ты вездѣ, всегда со мной,
Скажи!... и новымъ свѣтлымъ пѣснопѣньемъ

Къ Тебѣ, къ Тебѣ, о Царь небесный и земной,
Къ любви Твоей великой и лучистой
Сердца сыновъ земли я, грѣшный, уловлю,
Склоню къ молитвѣ искренней и чистой»...
Господь сказалъ: «Давидъ, и Я тебя люблю».

VIII.

Главой поникнулъ Соломонъ
Передъ Святымъ Святыхъ:
«Межъ херувимовъ золотыхъ,
Господь, готовъ Твой тронъ!

Слуга Ваала, царь Хирамъ,
Предъявить длинный счетъ...
Но все заплатить Твой народъ,
Народу нуженъ храмъ!

Я это зналъ, я былъ готовъ, —
И съ грознымъ Еговой
Связалъ я крѣпкой бичевой
Израиля сыновъ.

Довольны всѣ... Лишь я одинъ
Не веселъ предъ Тобой...
Господь, я знаю, надъ судьбой
И Ты не господинъ,

Весь міръ склоняется предъ ней —
И шлетъ мольбы богамъ!...
Какъ много ихъ, — Ты знаешь самъ!...
Судьба васъ всѣхъ сильнѣй!...

Ты хочешь быть для насъ Однимъ, —
Пускай! Мнѣ все равно...
Но если это суждено,
Ты долженъ стать другимъ!

Ты далъ мнѣ мудрость... Страшный даръ!
Я заглянулъ впередъ...
Съ тѣхъ поръ тоска мой духъ грызеть,
И сердцемъ сталь я старъ!

Что впереди? Лишь темнота,
Гниенье и гробы...
Мы смерти вѣрные рабы,
Все въ мірѣ — суета!

Ну что жъ? Пока я погруженъ
И въ жизнь, и въ ласку дня,
Весна и солнце для меня
И прелесть стройныхъ женъ!

Я кубокъ медленно допью —
И смерти, въ грозный часъ,
Спокойно, не спуская глазъ,
Я душу дамъ свою.

Господь! Ты — для народа свѣтъ,
Владыка вѣчныхъ силъ...
Зачѣмъ я мудрости просилъ?
Все — суета суетъ!»

Изъ Петрарки

14 сонетовъ

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

Rime in vita di Laura.

I.

Весною дней, въ обманчивомъ Апрѣлѣ,
Я выплакалъ въ стихахъ свою бѣду —
Ошибки юной первый шагъ къ стыду...
Я былъ другимъ, чѣмъ сталъ теперь на дѣлѣ!

Душой сгоралъ я въ сладостномъ бреду,
Стремясь въ пустыхъ надеждахъ къ лживой цѣли...
О, если въ жизни вы любить умѣли, —
Я состраданья, не прощенья жду!

Я притчей для народа былъ родного,
И этой мыслью часто я и снова,
Какъ въ первый разъ, бываю потрясенъ!

Мечты мнѣ стыдъ и угрызенья дали
И въ сердцѣ высѣкли рѣзцомъ изъ стали:
Что мило на землѣ — лишь краткій сонъ!

II.

Мнѣ сразу отомстить за прегрѣшенья
Любовь съ улыбкою рѣшила вдругъ
И тайно приготовила свой лукъ,
Какъ злой стрѣлокъ насторожѣ мгновенья.

Ни сердце, ни глаза не знали мукъ
И прежде не страшились нападенья,
Но отъ стрѣлы я не нашелъ спасенья
И палъ впервые жертвой мѣткихъ рукъ.

Смущенный неожиданнымъ ударомъ,
Я не успѣлъ отвѣтить съ равнымъ жаромъ,
Не могъ съ оружемъ равнымъ выйти въ бой

Иль въ край хитро уйти суровый, дальный,
Гдѣ я бы избѣжалъ судьбы печальной,
Насильно нынѣ овладѣвшей мной.

VI.

Я сбить съ дороги страстью безразсудной
Въ стремленьи къ ней — но отъ любовныхъ путь
Ее свободно крылья въ даль несутъ,
А я бѣгу такъ медленно и трудно!

Желанью мирный дать хочу пріютъ,
Но сердце для разсудка непробудно...
И нѣтъ руля, нѣтъ паруса для судна:
Любви упрямой путь тяжелъ и крутъ.

На поводу у страсти слабнуть силы,
Подвластенъ ей, я вижу, какъ съ собой
Она влечетъ меня на край могилы

И къ Лавру, гдѣ смущенною душой
Я плодъ бы могъ сорвать, на видъ прекрасный,
Но, какъ отравя, ѣдкій и опасный!

VIII.

Говорятъ птички, посланныя поэтомъ въ даръ Лауръ

Въ тѣни холмовъ, гдѣ нѣкогда въ земной
Прекрасный образъ душу ты одѣла,
О комъ, прервавъ покой тревожный тѣла,
Пославшій насъ тоскуеть въ тьмѣ ночной,

Летали мы въ свободѣ мирной смѣло
Всѣмъ смертнымъ сладкой жизненной стезей,
Не мысля для себя судьбы иной
И новаго жестокаго удѣла.

Несчастливы мы. Но все жъ, хотя для насъ
Привольной прежней жизни свѣтъ погасъ,
Теперь и смерть отрадной мыслью краше:

Свершилась мечь надъ тѣмъ, кто насъ сгубилъ,
И подъ ярмомъ иныхъ могучихъ силъ
Онъ связанъ цѣпью горшею, чѣмъ наша!

XVI.

Появленіе Лауры

Промчится, мыслью быстрою гонимъ,
Твой нѣжный ликъ, любимый и желанный...
О, краткій отдыхъ въ мукѣ неустанной!...
Но ты со мной — и я неуязвимъ!

У вратъ души твой образъ, страстно жданный,
Предсталъ, и вновь страданіемъ былымъ
Дрожитъ Любовь предъ голосомъ твоимъ,
Предъ нѣжнымъ взоромъ — крестъ судьбой мнѣ
данный!

Какъ госпожа въ свой домъ, приходишь ты,
И въ скорбномъ сердцѣ свѣтомъ красоты
Твой ясный взоръ смѣняетъ ужасъ ночи,

Душа потрясена, и слѣпнетъ глазъ...
Вздыхаю я: «Благословенъ тотъ часъ,
Когда мнѣ путь открыли эти очи!»

XXVI.

Въ душѣ моей, какъ въ хижинѣ царица,
Свѣтилась ты живою красотой;
Но ты ушла въ блаженный край иной,
И умеръ я, и надо мной гробница.

Исчезло счастье изъ души больной,
Любви погасла свѣтлая денница...
Отъ жалости гранить бы могъ сломиться!
Но кто расскажетъ о тоскѣ глухой?

Рыданья сердца недоступны слуху...
Оно рыдаетъ... Въ тяжкой скорби духу
Возможно лишь стонать средь горькой тьмы!

Во-истину, мы прахъ, мелькнувшій тѣнью,
Во-истину, слѣпые волей — мы,
Во-истину, надежда — заблужденье!

XXVIII.

Одинъ, въ раздумьи, средь пустыхъ полей
Я тихими, усталыми шагами
Бреду, и цѣль одна передъ глазами —
Подальше бы уйти мнѣ отъ людей...

Какъ за щитомъ, я скроюсь за лѣсами
Отъ любопытныхъ взоровъ и рѣчей:
Они въ порывахъ горести моей
Прочтутъ съ усмѣшкой страсти грозной пламя!...

Лѣса, холмы, овраги, ручейки!
Обнажены вамъ сердца тайники,
Покрытые для міра пеленою!

Взгляните, — въ глушь, сюда, пришла ко мнѣ
Любовь, и даже въ этой тишинѣ
Мы споръ ведемъ, я съ ней, она — со мною!

XLVII.

Благословенны мѣсяць, день и годъ,
И часъ, и мигъ, и уголокъ прекрасный,
Гдѣ взоръ ея, ласкающій и властный,
Меня связалъ — и душу нынѣ жжетъ!

Благословенъ порывъ неожиданный, страстный,
Тѣхъ первыхъ сладкихъ, радостныхъ заботъ
Когда любовь открыла въ сердце ходъ
Своей стрѣлѣ для муки ежечасной!

Благословенны вы, дары судьбы, —
И къ имени завѣтному мольбы,
И слезы, и томленье, и желанье,

И новой вольной пѣсни трепетанье,
И помыслы о ней, о ней одной, —
Единый путь, открытый предо мной!

XCIX.

Прошли Любовь и Счастье предо мной,
И тщетно я гоню воспоминанья...
Блаженъ, кто перейдя потокъ страданья,
Вступилъ на берегъ твердою ногой!

Любовь у сердца отняла покой,
Отъ счастья въ даръ я взялъ лишь ожиданья
И нынче, какъ бѣглець въ краю изгнанья,
Живу въ борьбѣ съ другими и собой.

Возврата нѣтъ моимъ надеждамъ милымъ,
Алмазъ мечты — дешевое стекло,
Покрыто небо пологомъ унылымъ,

За мною полъ-пути давно легло...
Вспорхнувъ, порывы, мысли выются мимо,
И жизнь изъ рукъ скользитъ неудержимо!

СII.

Нѣтъ, не любовь!... Но что тогда со мною?
Любовь?.. Мой Богъ! Но что тогда она?
Не благо, нѣтъ! Я муки пью до дна!
Не зло: я счастливъ сладкой мукой злою!

Я самъ хотѣлъ? И плачу надъ собою?
А не хотѣлъ — тоска моя смѣшна!...
О жизнь и смерть, о ядъ и чары сна, —
Вы взяли верхъ надъ спорящей душою!

Не спорилъ я? — Такъ жалобы къ чему?...
И безъ руля, въ ладѣ, средь вѣтровъ встрѣчныхъ
Я по-морю ношусь въ сомнѣньяхъ вѣчныхъ,

Въ ошибокъ бурю, въ легковѣрья тьму!
Слѣпою волей на-двое расколоть,
Я въ зной дрожу, пылаю въ зимній холодъ!...

CXXVI.

Какой нетлѣнной мысли образецъ
Природа обрѣла въ краяхъ небесныхъ,
Когда нездѣшній міръ въ чертахъ прелестныхъ
Явилъ ея божественный рѣзецъ?

Дриады, нимфы! Золотой вѣнецъ
Видали ль вы такихъ волосъ чудесныхъ?
Кто сердцемъ чище въ устахъ жизни тѣсныхъ?
Но это все — мнѣ гибель и конецъ!

Восторгъ небесныхъ чаръ постигнуть тотъ,
Кто взоръ ея увидитъ и пойметъ
Плѣнительный и сладко-безмятежный, —

Лишь онъ пойметъ и рай любви, и адъ,
Когда въ немъ струны сердца зазвучать
Отъ нѣжной рѣчи и улыбки нѣжной!

СХХVIII.

О, путь блужданій! Мыслей бѣгъ туманный!
О, память цѣпкая! О, грозный пылъ!
Желанье властное! Душа безъ силъ!
Глаза — о, слезъ источникъ постоянный!

Вѣнецъ лавровый — ты, что славой милъ
И мирной Музѣ и Беллонѣ бранной!...
О, жизни бремя! Бредъ благоуханный!
Я съ вами горы, доли исходилъ!...

О, чудный ликъ! Любовью прихотливой
Тебѣ дано и влечь, и гнать меня,
И предъ тобой безсиленъ духъ строптивый!

О, души — гдѣ вы? — полныя огня!
О, тѣни блѣдныя! О, прахъ ничтожный!
Предъ вами ужасъ муки безнадежной.

СXXXI.

Земля и небо смолкли, вѣтеръ стихъ,
Въ лѣсу заснули крѣпко звѣри, птицы,
Струится ночь вокругъ звѣздной колесницы,
Вдали не слышно плеска волнъ морскихъ.

Въ душѣ — сомнѣнья, пыль, тоска, зарницы
Мученья сладкаго въ тѣняхъ ночныхъ!...
Война — удѣлъ смятенныхъ чувствъ моихъ!
Лишь мысль о ней, какъ мирный лучъ, ложится...

Одинъ источникъ свѣтлый и живой
Поить такъ горько, сладко разумъ мой,
Одна рука меня живить и ранить,

И безконечной пыткой духъ объять,
Стократъ я гибну въ день, живу стократъ...
Томлюсь... и жду... Нескоро свѣтъ проглянетъ...

СХХХV.

Любовь сказала мнѣ мечтою сладкой,
Давнишней вѣстницей межъ мной и ней,
Что для надежды пламенной моей
Открыться долженъ путь къ блаженству краткій.

То ложь, то правду чую я живѣй
Въ ея рѣчи, плѣняющей и гладкой...
Не знаю, вѣрить ли душою шаткой?
Ни да, ни нѣтъ не прозвучать сильнѣй!

Бѣгутъ года. И зеркало безстрастно
Мнѣ говоритъ, что близки времена,
Когда мечтать мнѣ о любви напрасно...

Но будь, что будетъ! Старость суждена
Намъ всѣмъ. Мое желанье не устало, —
Лишь страшно мнѣ, что жить осталось мало!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОЛОСА

Финикійскій купецъ	11
Фараонъ	13
Александръ, сынъ Филиппа	15
Императоръ Адрианъ	18
Старецъ горы (Ассасины)	21
Пиратъ	24
Алхимикъ-астрологъ	27
Макиавелли	30
Наемный убійца	33
Аугсбургскій палачъ	36
Инквизиторъ	39
Ландскнехтъ	42
Кардиналъ	44
Французскій аристократъ	47

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ФРЕСКИ

Дружинникъ	51
Лучникъ	52
Горожанинъ	53
Графъ	54
Графиня	56
Пажъ	57
Монахъ-проповѣдникъ	58
Трубадуръ	60
Монастырскій крестьянинъ	62

VARIA

Два голоса	69
Memento	71
Юноши быстрые, смѣлые, сильные	72
— Мечты и видѣнья любви невозможной	73
Лблю я міръ нашъ необъятный	74
Еще своихъ послѣднихъ пѣсенъ	75
— Цвѣтокъ жасмина благоуханный	76
Въ туманной розовой дали	77
Серенада	78
Весеннимъ утромъ дышитъ лѣсъ такъ ровно	79
Цвѣти нездѣшней красотой	81
— Дня тебя я живу и живу лишь тобой	83
— Люблю тебя — а почему?	84
Весною	85
— Улыбка, взглядъ, движеніе рукъ	86
Ночь замерцала улыбкою темной	87
Въ полѣ	88
Въ воздушномъ морѣ тишь, ни вѣтерка	89
— Ты ждешь меня	90
— Клятвъ и обѣщаній мнѣ не надо	91
— Мы другъ друга любимъ нѣжно	92
Вечеръ легкой, нѣжной тѣнью	93
Откровенная серенада	94
— Въ глазахъ твоихъ зажглась весна	96
Заря скользнула вспышкой алой	98
Море тихо и безцвѣтно	100
Горы влекутъ насъ вершинами снѣжными	101
Гдѣ-то глубоко въ душѣ, подъ замками	103
— Все кончено, казалось, между нами	104
— Я снова былъ съ тобой	105
— Гляжу съ тоской на страданный путь	106
— Я ждалъ тебя, зачѣмъ? не знаю	107
— Я живъ, и образъ твой живетъ во мнѣ	108
— Неумолимой правды обликъ злобный	109
— Вернись ко мнѣ	110
— Предъ тѣмъ, какъ выйти изъ пустыни	111
Ночью:	
I. Темною ночью въ молчаньи угрюмомъ	112

II. Не спится.	113
III. Въ тиши ночныхъ тяжелыхъ бдѣній . .	114
IV. Слышится чье-то дыханье во тьмѣ . .	115
V. Не чувствую ни ревности, ни боли. . .	116

Два ноктюрна:

I. Ложится дымкою туманной	117
II. Придя домой, я свѣта не зажегъ . . .	118
Давно пробила полночь....	119
Ночью сидѣлъ я.	120
Въ игрѣ непрошенной, неравной	122
Напѣвъ, давно забытый мною.	123
Сквозь даль	124
Съ тяжелымъ сердцемъ.	125
Осенній вечеръ	126
Въ душѣ остывшей потускнѣлъ.	127
Впивая подземныхъ источниковъ рядъ. . .	128
Полетъ и трепеть ожиданій.	130
Закатъ ложится блѣднымъ свѣтомъ . . .	131
Ты вѣрила словамъ	132
Стучится тихо Смерть въ окно	133
Среди тревоги повседневной	134
Я знаю день и ночь	135
Въ душѣ — потухшіе огни.	136
Я ночью слышалъ	137
День бѣжитъ, и мчится часъ	138
Ночь и звѣздна и темна	139
Два вѣтра спорять въ вышинѣ	140
Палящимъ, жесткимъ свѣтомъ дня	141
Скоро-ли день?...	142
Вчера	143
На перепутьи	145
Въ такой же ясный, теплый день.	146
Еще одинъ угрюмый, сѣрый день.	147
Незнакомкѣ	148
Поросшій мхомъ гранить-алтарь	149
Когда Спаситель нашъ	150
Часы	151
Не малъ тобой пройденный путь	152
Другу.	154

Два міра столкнулись въ пространствѣ небес- номъ.	156
Ave	157
Передъ сфинксомъ	159
Молодая колдунья	160
Лѣсная фантазія	162
Цыганка	166
У кузницы	169
Испанскій контрабандистъ	171
Донъ-Жуанъ	174
Сократъ любилъ Алкивіада	175
Геркулесь и Омфала	177
Голосъ публики	179
Дифирамбъ Зевса	181
Спартанская добродѣтель	183
Мудрый Одиссей	184
Вакхъ и Аріадна	185
Лидійская эпиталама	187
Ксерксъ	190
Химеры	192
Древне-персидская молитва	193
Будда I	195
Будда II	197

ТЕРЦИНЫ

Песочные часы	201
Конецъ	202
Встрѣча	203
Видѣнье	204
Маленькія терцины:	
I. Любовь моя, приди	205
II. Судьбы улыбокъ	207
III. Хотѣлъ-бы я	209
IV. Окутанъ мягкой сѣтью	211

СОНЕТЫ

Люблю	215
Волшебный треугольникъ	216
Счастье	217

Закать	218
Симфонія жизни	219
Ложь:	
I.	220
II.	221
Скучающіе боги	222
Utile dulci.	223
Человѣкъ	224
E pur si muove	225
Игра	226
Сфинксъ	227
Миражъ	228
Поэзія	229

MARGINALIA BIBLICA

I.	233
II.	235
III.	236
IV.	238
V.	240
VI.	242
VII.	243
VIII.	245

ИЗЪ ПЕТРАРКИ

I	251
II	252
VI	253
VIII	254
XVI	255
XXVI	256
XXVIII	257
XLVII	258
XCIX	259
CII	260
CXXVI	261
CXXXVIII	262
CXXXI	263
CXXXV	264

IMP. UNION, PARIS
13, RUE MÉCHAIN

Издание русскаго книжнаго дѣла «Родникъ» въ Парижѣ
Librairie «La Source», 106, Rue de la Tour - Paris XVI*

